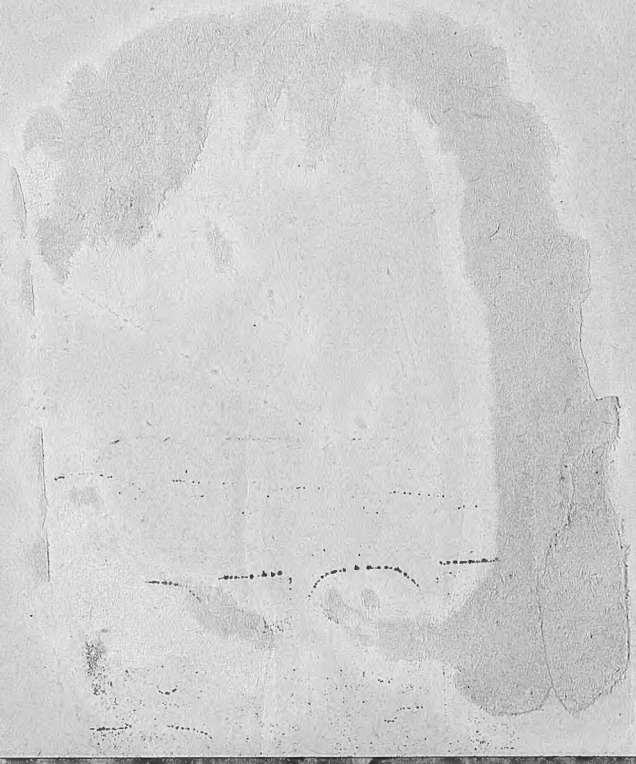
E43
1455

ЛЕНСКИЙ РАССТРЕЛ

1912

274210



941 [illegible] (24)

В ПОМОЩЬ КЛУБНОЙ РАБОТЕ

Е43
1455

ЛЕНСКИЙ РАССТРЕЛ

1912 г.

с.пр.1532

БИБЛИОТЕКА
Инст. [illegible]
И. в. 33[illegible]

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
МОСКВА ★ 1923

Отпечатано в Типографии
МУС'а, Садовая-Сухарева,
д. № 9, в колич. 5.000 экз.
Москва. Главлит № 8477

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
37342 19 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Книжка „Ленские события в клубах молодежи“ является очередным выпуском в намеченной серии изданий в помощь ознаменованию историко-революционных дат в наших клубах.

Наш союз об'единяет сейчас молодежь очередного призыва революции. Она не могла, конечно, пройти школы борьбы с царизмом, в огромном большинстве своем она и не принимала активного участия в революционной борьбе на протяжении последнего пятилетия. Ее воспитывала и воспитывает после-октябрьская обстановка в целом, вся ее психология, ее навыки — определяются советским бытом. Она выросла с „Интернационалом“, уже почти целиком забыла „боже, царя храни“. Обстановка капитализма, царистский уклад, в котором проходило ее детство, вытравились из памяти этого нового поколения, сознательная жизнь которого протекала уже в совершенно противоположных условиях.

В нашем союзе подросток оформляет свое чисто инстинктивное чувство симпатии к партии и советской власти. Он закрепляет его потому, прежде всего, что получает воспитание в духе международной солидарности, научается чувствовать себя частицей класса, борющегося и победившего далеко еще не под всеми меридианами, но под каждым из них с огромными усилиями прокладывающего себе путь к власти.

Он закрепляет это свое коммунистическое сознание и благодаря тому, что получает широкое знакомство с прошлым русского рабочего класса. Ознаменование каждой историко-революционной даты — крупица больших работ, которая в этом направлении проделывается.

Здесь особенно приходят на помощь клубные методы, которые позволяют инсценировать, восстановить ярко и наглядно картины былого. Здесь приходит на помощь изображение телеграмм загримированными под царских слуг комсомольцами, и чтение старикам-рабочим принимавшейся в свое время резолюции протеста, и вывешивание плаката, буквально воспроизводящего вид старой подпольной прокламации, и демонстрирование туманных картин.

Ленские расстрелы — один из самих памятных эпизодов, одна из самих важных страниц истории России. „Если 9 января

подготовило февральскую революцию — ленские расстрелы подготовили октябрьскую" — вполне правильно отмечает тов. Ольминский. — Поэтому их ознаменование в клубе — является крайне нужным и полезным, в выполнении задачи перенесения подростка на время в обстановку прошлого, чтобы научить его тем больше дорожить настоящим.

Помимо программы клубного вечера, лозунгов, библиографии и материалов для литературных читок, редакция решила „воскресить" в приложениях к сборнику материалы Государственной Думы. В выдержках в сборнике приведен запрос социал-демократической фракции и прения в Думе по поводу него. По возможности, без сокращений приведены выступления правых депутатов, особенно речь Замысловского и знаменитая речь тогдашнего царского министра внутренних дел А. Н. Макарова, за которую с.-демократический оратор правильно выразил благодарность от имени рабочего класса, как одну из лучших политических прокламаций против самодержавия.

Редакция считала полезным предоставить в распоряжение организаторов клубных вечеров материал, который наглядно покажет всю беззастенчивость русского царизма.

Помимо отчета—нами помещается статья тов. Каменева, дающая ясный анализ всей политики, третье-июньской думы и связь между буржуазией и царизмом, наглядно выявившихся в расстрелах в далекой сибирской тайге, и сводку откликов „по обе стороны баррикады" на ленские события.

„Грудь рабочего класса — прострелена в тайге" — гласила одна из рабочих резолюций. Эта рана оказалась далеко не смертельною, наоборот,—только после нее пролетариат России показал, на что он способен.

Если клубный вечер сумеет ярко проиллюстрировать эту основную мысль, если каждый участник и слушатель уйдет после нее с твердым убеждением „так было—так не будет" — задача вечера будет достигнута.

Редакция просит все обобщение опыта использования этого сборника, все, в практической работе, внесенные коррективы—направлять ее, чтобы в дальнейших выпусках суметь их исправить.

ВЕЧЕР В КЛУБЕ

ЛЕНСКИЕ СОБЫТИЯ В КЛУБАХ РКСМ.

(Ленские расстрелы 17-го апреля 1912 года).

1. Годовщина Ленских событий должна быть использована с целью ознакомить рабочую молодежь с положением рабочего класса в дореволюционной России.

2. Один или два доклада должны ввести слушателей в эпоху реакций и начала под'ема рабочего движения (годы 1905-12), дать картину кошмарных условий жизни и работы рабочих ленских приисков и осветить историю стачки и расстрела 4—17-го апреля.

3. Дальше необходимо осветить отклики событий в стране. Здесь следует выяснить отношение к Ленским событиям рабочего класса, других социальных группировок, партий, правительства, Думы и т. д. Важно подчеркнуть существовавшую солидарность—тесный контакт между правительством и русско-английскими капиталистами из Ленского Золотопромышленного Товарищества.

4. В докладе особо отметить отклики Ленских событий в родном городе, путем воспоминаний старшего рабочего, организовав уголок, где выставить прокламации, если были выпущены, вырезки из газет и т. д.

5. Рекомендуется доклад или доклады заменить живой информацией, примерно следующим образом. Оглашается телеграмма о возникновении стачки на приисках. Затем один товарищ или группа их, загримированные горняками рассказывают про тяжелую жизнь рабочих ленских приисков, толкнувшую их на забастовку, тут же и упомянуть на повод к забастовке (выдача лошадиного члена).

6. Затем необходимо ознакомить слушателей с требованиями ленских рабочих. Их можно показать на полотне при помощи диапозитивов или же пронести через сцену специально заготовленные плакаты (несут, конечно, товарищи, загримированные приисковыми рабочими, требование об освобождении женщин от об'язательных работ несет женщина).

7. Расстрел, события 4 апреля изложить прочтением телеграммы, посланной рабочими Ленского Товарищества членам

Думы. Извещение о растреле должно сопровождаться появлением на сцене плаката в траурной рамке.

8. Моменты, изложенные выше в „3“ тезисе, можно осветить оглашением телеграмм *). При чем содержанию телеграммы должен соответствовать гримм зачитывающего ее товарища. Так, например, директиву директора департамента полиции Белецкого о ликвидации стачки зачитывает или сам Белецкий, когда ее пишет, или ротмистр Трещенко, получивший ее.

Резолюции протеста, извещения о стачках—протеста зачитывают отдельные рабочие. Так как почти каждый завод откликнулся тогда на расстрел, то важно, чтобы была оглашена резолюция рабочих одного или нескольких заводов родного города, рабочим того же предприятия.

9. В случае такого изложения событий, в конце необходимо поставить доклад, в котором дать подробную оценку расстрелу, выяснив значение последнего для рабочего движения, как переломного момента в годы реакции, последовавшей за революцей 5 года, роль иностранного капитала и т. д. Не мешает сравнить Ленский расстрел с событиями „9 января 1905 года“, отметив разницу между ними.

10. Рекомендуется этот вечер вынести за стены клуба на рабочие предприятия, тем самым дать возможность взрослым рабочим вспомнить свое „житье“ при царизме.

11. Клуб украсить так, чтобы его внешность давала присутствующим возможность представить себе царско-капиталистическую Россию в годы 1908—12 и положение рабочих тогда, конечно, на фоне Ленских событий.

12. Если хватит времени и будет возможность—подготовить пьеску т. Плетнева „Лена“ или последние два действия.

13. Необходимо помнить, что нашим организациям придется проводить большую работу по ознакомлению рабочей молодежи с прошлым его класса, и как первый опыт в этом деле, вечер Ленских событий нужно как можно лучше и тщательнее подготовить.

---

*) Имеются в книге Тюшевского и в „Правде“ о Ленских событиях под редакцией Баташева (см. библиографию).

ЛОЗУНГИ.

1. О братья! проклят, проклят будет
Кто этот страшный день забудет,
Кто эту кровь врагу простит!

Демьян Бедный.

2. Я заставлю работать всех так, что у меня от коней останутся хвост да грива, а от людей нос да глаза.

С такой программой приступил к исполнению обязанностей управляющего приисками—Белозеров.

3. КТО ОКАЗАЛСЯ ПРАВ?

3. „Так было—так будет...“

Ответил на запрос социал-демократов в Думе Министр внутренних дел Макаров.

„Так было—так не будет“,—отвечали большевики.
Над Ленскими приисками шестой год веет красное знамя.

4.

На Ленских приисках
Убито 270 человек.
Ранено 250 человек.

5. КТО РАССТРЕЛИВАЛ ЛЕНЦЕВ?

5. Во главе Ленского Золотопромышленного Товарищества стояли: бывший министр торговли и промышленности Тимирязев, В. И., директор Государственного Банка Бояновский, член Горного ученого комитета В. И. Липин и ряд других высокопоставленных лиц.

6. 9 января подготовило февральскую, а Ленские дни октябрьскую революцию 1917 года.

Ольминский.

7. Грудь рабочего класса—прострелена в далекой Сибирской тайге.

(Из резолюции рабочих завода Млощевского).

8. Мы призываем всех... встать с оружием в руках и твердо заявить, что мы—хозяева своей жизни.

(Из резолюции рабочих мастерских землечерпательного каравана.)

9. Мы обвиняем в расстреле правительство, администрацию приисков и Государственную думу, за исключением социал-демократической фракции.

(Группа работниц-девушек Невского района.)

10. Сегодня мы благоговейно чтим память ленских рабочих, память тех, кто своей жизнью способствовал победоносной борьбе пролетариата.

11. Ответ рабочих на Ленский расстрел было началом решительного неумолимого штурма и расшатывания бастионов буржуазно-помещичьего строя.

12. Молодой рабочий, твоя обязанность отомстить за кровь ленских рабочих, пролитую в интересах международных капиталистов.

13. Расстрел рабочих масс 4 апреля на Ленских приисках далекой Сибири вписан в кровавую летопись рабочего класса, как яркий образчик приемов и способов классового господства.

КАЛЕНДАРЬ СОБЫТИЙ НА ЛЕНСКИХ ПРИИСКАХ.

1912 год.
Февр. 29. Рабочие Андреевского прииска оставили работу.
Причина: в мясе обнаружен лошадиный член.

Март 3. Забастовка охватила рабочих всех приисков Ленского Товарищества. Бастуют 5.000 рабочих.

„ **4.** Собрание выборных от рабочих приисков. Выработаны требования, пред'явленные администрации. На этом собрании оформилась организация—стачечный комитет—руководившая стачкой.

„ **5.** Таппан, заместитель главного управляющего приисками, вывесил об'явление о том, что правление Ленского Товарищества удовлетворить требования рабочих отказывается. Рабочим предлагается стать на работу или получить рассчет.

„ **6.** Окружный инженер горного департамента Александровский на собрании выборных от рабочих признал, что договор нарушен Ленским Товариществом.

„ **15.** Администрация приисков уменьшает паек рабочим. В суде начались разбираться дела о выселении рабочих из казарм.

„ **18-19.** Заседание присутствия по Горно-Заводским делам в Иркутске, на котором последнее признало виновником в возникновении забастовки Ленское Товарищество, как нарушившее договор, действовавший между последним и рабочими.

„ **19.** На приисках приступлено к выселению рабочих из казарм.

„ **20.** Прибыли на прииски инженер Тульчинский и палач—рабочих ратмистр Трещенко.

„ **24.** Собрание выборных совместно с Тульчинским.

„ 24—27. Происходят собрания выборных старость и всех рабочих, где обсуждается вопрос продолжат ли забастовку. Выборные решили было стать на работу, но рабочие не согласились. Стачка продолжается.

Март 24. Губернатор получил предписание из министерства внутренних дел дать директиву Трещенко ликвидировать стачечный комитет.

Апрель 2. Директор Департамента полиции Белецкий, минуя губернатора, дал директиву Трещенко, если придется хотя бы силой ликвидировать стачку.

„ 3. Ночью арестован стачечный комитет.

„ 4. Рабочие шли к прокурору Преображенскому просить освободить арестованных выборных, их встретили выстрелами. Убито 270 человек, ранено 250 чел.

„ 8. Вышел траурный номер рабочей газеты „Звезда“ в Петербурге.

„ 9, 10, 11. Похороны убитых.

„ 11. Запрос в Думе и выступление министра внутренних дел Макарова, закончившего свою речь словами: „Так было—так будет“.

„ 14. Начались забастовки рабочих в знак протеста против Ленского расстрела.

„ 29. Правительство назначило комиссию под председательством сенатора Манухина для расследования событий.

Июня 5. Рабочие на общем собрании единогласно отвергают резолюцию доверия царю, предложенную чиновником Маймем.

„ 7—13. Рабочие покидают прииски.

БИБЛИОГРАФИЯ.

1. Правда о Ленских событиях. Издание Н. Н. Баташева. В этой книге, цель которой выяснить „Правду“ о ленских событиях, „Правду“, за которую страдали Ленские рабочие,—ценнейший материал, собранный комиссией юристов, обследовавшей события на месте. Первая часть книги представляет собой очерк, рисующий (на основании собранного материала—93 страницы) быт рабочих на Ленских приисках и историю стачки. Вторая часть — приложения: официальные документы, переписка между правительственными учреждениями и лицами, а также акты Правления Ленского Зол. Товарищества в связи с забастовкой и расстрелом; показания выборных, женщин, вдов и раненых, данные комиссии адвокатов и т. д.

2. Тюшевский. К истории забастовки и расстрела рабочих на Ленских приисках. Петербург, Госиздат. 1921 год, стр. 56. Приложен список убитых 4 апреля 1912 года рабочих Ленских приисков. Автор—один из членов комиссии юристов, обследовавших события на месте. В книжке хорошо освещены условия жизни и работы Ленских рабочих и история стачки. Книжка доступна неподготовленному читателю.

3. Из эпохи „Звезды“ и „Правды“ (1911—1914). Госиздат. 1921 года. Ленские дни, стран. 21—37.

4. Лелевич. Статья в журнале Истпарта „Пролетарская революция“ № 3—4 1922 г.

5. Каменев, Ю. Статья в его книге „Между двумя революциями“. Год издания 1923. Москва, стр. 561—564.

6. „Рабочая Москва“ газета от 17 апреля 1922 года.

7, „Звезда“ и „Правда“ рабочие газеты, издававшиеся в 1912 году. Номера от 8 апреля и дальше.

8. Невский, В. К десятилетию Ленского расстрела, статья в журнале Петроградского Истпарта „Красная Летопись“ № 2—3, стр. 356—61. Посвящена разбору причин забастовки.

9. Из отчета сенатора Манухина. Там же, стр. 362—90 главы его отчета: О событиях 4 апреля 1912 года. Причины забастовки 1912 года и оценка событий 4 апреля 1912 года.

10. Ленский Расстрел 4—17 апреля 1912—1922 года. В „Спутнике комуниста“ № 14, стр. 66—72. Изд. МК РКП 1922 год.

11. Шестаков, А. В. Трагедия на реке Лене. Воронеж. „Центропечать“. 1920 год, 16 стр.

12. Статьи во всех журналах за апрель месяц 1912 года и газеты за апрель и май 1912 года.

13. Евгений Маевский. „Лена“ в журнале „Наша Заря“ № 4 за 1912 год.

14. А. Невский (ничего общего с В. Невским не имеет). Ленские события и их причины. Петербург 1912 года, стр. 112. Автор, человек близко стоявший к Ленскому Золотопромышленному Товариществу, дает в своей книжке исторический очерк, богатый цифрами о развитии Ленского Золотопромышленного района и Ленского Золотопромышленного Товарищества. Вопросы быта рабочих и история забастовки освещены так, чтобы оправдать Ленское Товарищество и вину за события возложить на несоответствие правового порядка страны ее экономическому развитию (рекомендуется подготовленному товарищу).

15. Плетнев. Пьеса „Лена“.

МАТЕРИАЛ ПО ИСТОРИИ ЭПОХИ РЕАКЦИИ.

1. Ленин. Собрание сочинений том VIII.
2. Каменев, Ю. Между двумя революциями, Москва. 1923 г.
3. Из эпох „Звезды“ и „Правды“ выпуски I и II. Москва. 1921 год.
4. Бибик. „На черной полосе“. Роман. Москва. 1922 год.

ЧТО ЧИТАТЬ МОЛОДОМУ РАБОЧЕМУ О ЛЕНСКИХ СОБЫТИЯХ.

1. Тюшевский. К истории забастовки и расстрела рабочих на Ленских приисках.
2. „Рабочая Москва“ газета № от 17 апреля 1922 года.
3. Лелевич. Статья в журнале Истпарта „Пролетарская революция“ № 3—4. 1922 год.
4. Из эпохи „Звезды“ и „Правды“ выпуск I, стр. 29—37.
5. Плетнев. Пьеса „Лена“.

(Список для вывешивания в клубных библиотеках.)

МАТЕРИАЛ ДЛЯ ДИАГРАММ.

Кровь и пот рабочих, превращенные в золото.

(Рост добычи золота.)

В 1906 году	543	пуда	13	ф.	
7 „	557	„	25	„	(раб. 7.369 ч.)
8 „	662	„	28	„	(„ 8.289 „)
9 „	784	„	36	„	(„ 8.891 „)
10 „	1087	„	24	„	(„ 12.111 „)

Доходы Ленского Золотопромышленного Товарищества:

1904— 5 г.	86.117 руб.
1905— 6 „	57.536 „
1906— 7 „	290.168 „
1907— 8 „	1.997.604 „
1908— 9 „	4.908.852 „
1909—10 „	6.812.925 „

ОЧЕРКИ, РАССКАЗЫ, СТИХИ

Г. Буланцев.

ПРИИСКАТЕЛИ ЕДУТ.

Почти на две версты растянулся обоз приисковых рабочих, медленно двигаясь вперед по узкой дороге, где на каждом шагу попадались глубокие выбоины, а по низким местам непролазная грязь.

По обе стороны дороги тянулась тайга—дикая, девственная тайга. Дорога то поднималась в гору, то круто опускалась в овраги, где пахло гнилым валежником, то боязливо жалась к каменисто-глинистым откосам.

Солнце уже спряталось где то за тайгой, но косые лучи его еще скользили по зеленеющим верхушкам тайги, окрашивая ее в нежный золотисто-зеленоватый оттенок. Возле каждой повозки, заваленной сумками и сундуками, шли женщины и дети. Некоторые из них, выбившиеся из сил, взбирались на загроможденные телеги и, с трудом усаживаясь на сумках, тыкали в рот кричащим ребятам спавшие груди.

— Ишь, байстрюк, как раскричался. Смотри мне, будешь кричать—компании отдам,—запугивала крикуна уставшая мать. Ребенок успокаивался и начинал сосать грязные пальцы.

Далеко сзади, в хвосте печальной процессии, шли приисковые рабочие, устало передвигая уставшие ноги. Разговаривать никому не хотелось и каждый шел молча, тупо смотря себе под ноги, точно боясь споткнуться. И чем они дальше шли, тем сильнее чувствовали тоску и обиду. Им казалось, что далеко-далеко сзади осталось что то родное и дорогое им, которое они потеряли безвозвратно.

— Что, ребята, так притихли, видно раздумье напало... „Дума не лошадь, домой не довезет". Так и это, ребята. Кажется, жалеть—то нечего, все забрали с собой... Голова то на плечах, а остальное, прочее, само пристанет — обратился к рабочим коренастый детина, шедший сзади партии и тяжело прихрамывавший на правую ногу, простреленную солдатской пулей.

— В том и дело, что не все забрали. Многое осталось. А то, что осталось там, того никогда не вернешь. Простому человеку трудно высказать, что у него болит вот здесь,—и рабочий ткнул корявым пальцем себе в грудь:—слов не хватает.

— Ты бы, Митрич, на телегу лег, чем на одной ноге шкандыбать. Опять к вечеру заболит. Дай ей как след зажить.

— Так то ребятишки! Работал—работал. Кис в мокрых забоях, точно омуль в бочке. Жену потерял. Царство ей небесное... Замучили ироды... Покладистая бабенка была... Бог ей простит. Ребятишек до одного на кладбищу снес. Без материнского присмотру—куда им сердешным... Сам всех хоронил.

— Мало тебе этого, что ли?

Спустилась темная ночь и своим непроницаемым покровом скрыла от любопытного взгляда две крупных слезинки, скатившихся по загорелым щекам Митрича.

* * *

— Что, парень, на четвертый класс денег не хватает. Ничего, пятым поедешь, чай не барской фамилии.

— А ты, как думаешь,—по шпалам, что ли?

— Я то... Сам знаешь, что последний сундучишко в Витиме челдону продал. Теперь понятное дело, с деревянным кондуктором до Иркутска, а там: „Эй, Баргузин, пошевеливай вал!“.

— А там, брат, по Амурку... В России нашего брата и так много. Почитай нам места не оставили.

— Да и на Амуре то не сладко. Китайцев то сколько набилось, что беда.

— А я так думаю, лучше жить с китайцами, чем на Витиме, на приисках этих.

— Тьфу тебе!—сплюнул в сторону сухощавый мужиченка в пестрых приисковых штанах,—что опять хошь беду накликать. Вишь, ребята пугаются.

К станции с шумом и пыхтеньем подкатил поезд. В воздухе замелькали сумки и сундуки, меховые и вязанные шапки и пестрые платки женщин, и все это быстро исчезло в серых вагонах поезда.

Второй звонок. Кондуктора „энергично“ отталкивают от поезда оставшихся на платформе рабочих.

— Куда прешь, ты, животина!..—кричит толстопузый кондуктор.

— Прощай, Митрич!—кричит высунутая голова из окна вагона.

— Прощай! Поклон родным от меня. Жив, мол, здоров. На Амур поехал. К Покрову может быть десятку пришлю. Про ногу не говори, а то бабы выть начнут.

Слышны всхлипывания и причитания баб.

— Сердешный ты мой, куда это ты?

Сухощавый мужиченка в пестрых штанах отворачивается в сторону и утирает шапкой слезы.

Третий звонок.

Поезд медленно отходит от станции, а оставшиеся на платформе по прежнему машут шапками и кричат что-то в догонку быстро убегающему поезду.

— Эй ты, что уши развесил. Уходи; на платформе нельзя стоять.

Митрич оглянулся и с удивлением посмотрел на кричавшего жандарма.

— Что кричишь? Уйдем! Чай всю жизнь уходили, а теперь и подавно уйдем...

— Ну, ну, иди, не разговаривай!

— Идем, Митрич, что напрасно балясы точить,—проговорил мужиченка в пестрых штанах.

И они пошли...

———

Е. Придворов (Демьян Бедный).

„Л Е Н А".

Жена кормильца мужа ждет,
Прижав к груди малюток—деток:
— Не жди, не жди, он не придет:
Удар предательский был меток.
Он пал, но пал он не один:
Со скорбным помертвелым взглядом—
Твой старший, твой любимый сын
Упал с отцом убитый рядом.
Семья друзей вкруг их лежит,—
Зловещий холм на поле талом!
И кровь горячая бежит
Из тяжких ран потоком алым.
А солнце вешнее блестит!
Иль Бог *) злодейства не осудит?!
— О братья! Проклят, проклят будет,
Кто этот страшный день забудет,
Кто эту кровь врагу простит!

———

*) Бог — в лице русского пролетариата своими многочисленными забастовками протеста, достаточно осудил это злодейство, и не только осудил, но и в октябре 1917 г. наказал виновников его.

Рабочий.

НА ЛЕНЕ.

Мрачно, уныло, угрюмо стоят
Высокие горы в молчании диком,
Их вечный, печальный суровый наряд
Гласит о безмолвии камня великом.
И ветер поведал им повесть свою
О том, что в далеком сибирском краю
Невинная кровь пролилася рекою,
И у нас проклятье висит над тайгою!..
Он им говорил, что рабочие пали
В далекой Сибири, за право в борьбе!..
Что землю на пользу богатым копали,
И смерть обрели лишь себе!..
Что с клятвой великой гасли их взоры,
С проклятьем на веки закрылись уста...
Но горы молчали... Бездушные горы,
Их повесть не тронула та...
Не тронут их горе, страданье людское...
Им чужд ясной мысли великий простор,
И с тихим рыданьем, с грустной тоскою,
Ветер отпрянул от каменных гор.

И. Воинов.

* * *

Буря народная,
Буря великая,
Скороль придет твой черед?
Полночь безвольная,
Ненависть дикая,
Злоба жестокости душу гнетет,
Встань ты, загадочный,
Вечно безрадостный,
Встань, распрямися, русской были герой.
Рабство унылое,
Время постылое,
Смело стряхни и по новому спой.

Антон Путиловец.

* * *

В холодном мраке рудников
Проклятья слышатся и стоны,
Позорных, ржавчатых оков
Несутся стуки, лязги, звоны...
Душа смятенная темна,
Душа томится, ждет ответа,
Когда же осветится она
Лучем желанного рассвета.

———

П. Рябовский.

* * *

Пойте песню бури! Выше гордый стяг.
Смело выпрямь спину, сгорбленный бедняк!
В ширь и даль немую родины святой
Грозно понесется наш призыв на бой.
Мы идем путями неуемных битв,
Мы отвергли шопот неземных молитв.
Будущее наше... Наш призывной клич
Режет воздух ночи, как свистящий бич.

———

* * *

Теперь не сочтете погибших борцев!..
Сжимается сердце тоскою...
Вот движется ряд матерей, жен, отцев,—
И льют они слезы рекою.
Не видно этой реки берегов.
И мелей она не имеет,
Мелькают лишь лодки по ней смельчаков,
Знамена в руках краснеют...
И в даль, где звезда лучезарно горит,
Туда паруса направляют.
Соленные, горькие воды шумят,
А лодки все чаще мелькают.

———

Ф. Шкулев.

„ЛЕНЦЫ“.

Под тяжестью горя, под скорбные стоны.
Они Вам ковали всю жизнь миллионы,
Они коротали бессонные ночи
И блекли от слез их усталые очи...
Их руки и ноги висели, как плети,
Голодными и чахлыми были их дети...
Они для вас тратили лучшие силы,
А вы угостили за то их могилой.
Ужели вам, сытые люди, не стыдно!
Вечная память погибшим невинно!
Всю жизнь тяжкий труд они только видали,
Болели, трудились и век голодали.
Валялись, как чурки, в развалинах тесных,
Страдая, терпели, как скот бессловесный.
Желали ж немного: лишь хлеб без песочка,
Да в сутки убавить с труда полчасочка,
И только за это, что мало просили,
Их щедро горячим свинцом угостили...
О, как вам, жестокие люди не стыдно?!
Вечная память погибшим невинно!

———

Рабочий Алексеев.

ПОД СВЕЖИМ ВПЕЧАТЛЕНИЕМ.

Завод дышал огромной черной грудью. Смутный гул, похожий на подземный вулкан стоял над ним. Почерневшие стены слегка вздрагивали от могучих ударов паровых молотов.

Внутри его, как в пасти прожорливого крокодила, загнанные тяжелой нуждой, трудились тысячи рабочих. Всесильный жадный капитал стянул сюда этих париев буржуазного общества, приковав к станкам и горнам, сильней, чем цепи Прометея.

Медленно, как удав, наслаждаясь своей силой, он давил свои жертвы. Жизнь молодых и старых превращалась в груду золота и пополняла бездонные карманы хищников.

И над всем этим, как жандармы, высились исполинские трубы.

Завод, словно раненый зверь, издал протяжный вой. Вторя ему, из сотен измученных грудей вырвался вздох облегчения.

Наступил обед.

Группами и в одиночку рассаживались рабочие. Около одного станка с десяток обедающих оживленно переговаривались.

Покончив с едой, все потянулись за чаем.

— Кирюша, прочтика нам о ленских товарищах.

— Да садись сюда, в средину,—проговорил один.

Кирюша, молодой рабочий с бледным лицом и голубыми задумчивыми глазами, немедля исполнил просьбу товарища.

Наступила минутная пауза.

— Кровавый кошмар. Убито 270, ранено 250, — начал Кирюша.

— Кого это столько? — Не поняв, спросил подошедший рабочий.

— Нашего брата... Кого? Не капиталистов же!... — желчно проговорил один.

— Стреляли в лежавших и бегущих,—продолжал чтец.

К станку подходили все новые и новые рабочие. Скоро образовалось тесное кольцо вокруг Кирюши. Молодой голос его звучал волнующе в толпе.

Перед слушателями развернулись страшные зверства в далекой сибирской тайге.

Там, угнетенные рабочие вставали за свои попранные права, омыли золотые недра земли своей невинной кровью. Там, в угоду алчным капиталистам, брат расстреливал брата.

И теперь над далеким горизонтом поднялась кровавая заря.

Тени мучеников, протягивая руки, взывают к своим братьям.

— Проснитесь. Чаша народного терпения плещется во все стороны...

Кирюша кончил, но голос его, как призывной набат, стоял еще в ушах рабочих.

Не одна слеза скатилась уже с ресниц пожилых; не один кулак сжимался, и не одна темная голова поняла, что значит великая беспощадная борьба труда с капиталом.

Чудовище снова проснулось, медленно двинуло бесчисленными членами и, словно чувствуя угрозу своему могуществу, заскрипело стальными зубами.

М. Захаров.

СКАЗОЧКА.

Ночь. Все об'ято крепкими благодетельным сном: — и задумчиве — темный бор и виднеющиеся в дали очертания гор.

Луна заливает ярко-серебристым светом, спокойно стоявшее в поле, золотистое море ржи. Мириады звезд висят над землею. Легкое, как сизая струйка дыма, облачко скользнет по небосклону и скроется за горизонтом. О чем шепчатся цветы?..

А ветер.—Ветер спрятался в горы.

Тихо. Ничто не нарушает волшебной красоты ночи. Изредка вспорхнет испучанная птичка, прошуршит крылами летучая мышь, а на опушке зеленого леса мирно пасется крестьянский табун лошадей.

Тихо потрескивает пылающий костер.

Вокруг костра сидят люди. Их трое: — старый, седой, как лунь, пастух Андрей и два мальчика подростка.

— Дедушка?..

— Ну, что тебе, беспокойный?!.

— Раскажи нам вон про те курганы, что около поля?

— Иш ты, какой любопытный... — Любишь рассказы?..

— Да мы оба любим, — в один голос повторили мальчики.

— Ну, уж коли так, ладно, расскажу... Давно это было, когда вас, да и меня еще не было на свете. Это было тогда, когда солнце светило также, как и теперь, — не для всех одинаково.

Жили в ту пору на свете люди, темные, как ночь, а могучие, как бурное море. Мало их было, да и жили они несогласно, а потому изобижали их все, кому только хотелось.

Плохо им жилось. Злые варяги окутали их тьмою и лучи солнца не проникали в их жилища. Никогда не видали они чарующей красоты весны, солнце не целовало их головки, когда они были детьми.

Их матери не могли им петь колыбельные песни, не могли целовать, ласкать их.

А отцев, — отцев они видели только тогда, когда сами делались, да и тогда не всегда.

Лишь ветер бушующий пел им песни о странах далеких, да бури шум отдаленный слух их ласкал. И жили они и умирали в тесноте. И вот пришли к ним люди, такие же, как и они, из-за моря, из далеких неведомых стран.

Пришли и поведали им о далекой стране, где солнце светит одинаково для всех.

Поведали и указали им путь, — путь светлый, далекий, тернистый.

Поверили люди и пошли тем путем, ясным, далеким.

И воцарились среди них мир, любовь и согласие.

Тяжел был тот путь, но они так полюбили его, что никогда и ни за что не хотели своротить с него.

Шли они смело дружно. Изнеможение валило их, они падали и подымались снова, чтобы дродолжать начатое дело.

Их лица и руки обжигало пламя, кровавый пот струился ручьями. А когда они брались за сталь, она делалась мягкою в их руках. Брались за железо, и оно делалось, как сталь. Под их ударами стонала земля, разверзая свои недра, стонала и выбрасывала несметные богатства их врагам.

Они покоряли воду, покоряли воздух. Они создавали все, чем живет и движется человечество.

И сложилась в их сердцах великая песнь борьбы.

И покатилась та песнь по всей вселенной, раздалась она, как буря, как рокот волн морских.

И шли они своею дорогою дальше. С каждым днем прибывали их силы, а жены и дети шли за ними.

Честно, с открытою грудью, вступали они в бой со своими врагами, но враги их были злостны и коварны, они устраивали им засады и истребляли их тысячами...

Вот, детки, такая история была и здесь. Вышли люди из под земли, хотели взглянуть на весеннее солнце, а враг тут— как тут и давай стрелят в них из засады. Ну и положили их видимо - невидимо. Лежат под этим курганом смелые и честные борцы за лучшую долю. Поют над их могилками песни: зимою—мятель да вьюги снежные, а летом пташечки... Да, детки, а придет и то время,—запают и люди...

Кончил старый Архип. Поднялся с земли, отряхнул свой зипун, накинул на плечи и пошел к лошадям. Погас костер. Поднялись дети, молчаливые, задумчивые.

Журчал, переговариваяс с цветами, бегущий ручеек.

Таинственно шептались сосны бора. А из-за них глядит уж утреннее солнце.

МАТЕРИАЛЫ

ЗАПРОС СОЦ. ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ФРАКЦИИ, ВНЕСЕННЫЙ ПО ПОВОДУ ЛЕНСКИХ СОБЫТИЙ.

Г. ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ.

29-го февраля на Ленских приисках вспыхнула стачка 6.000 рабочих. Условия труда на приисках, по свидетельству официальных источников, были весьма неудовлетворительны. Рабочие страдали, кроме того, от низкой заработной платы, плохой пищи, поставщиком которой была администрация, дурных жилищных условий казарм, предоставленных рабочим той же администрацией, грубого обращения и т. д. Особенно важно ограничение, вопреки закону о найме, права рабочих на судебную защиту. Рабочие, по договору с администрацией приисков, не имели права возбуждать против нее судебных исков.

Требования, выставленные рабочими, сводились в существенных чертах к следующему: 1) восьмичасовой рабочий день вместо десятичасового; 2) увеличение платы на 30%; 3) отмена штрафов; 4) отмена расчетов талонами на товар из лавок кампании; 5) признание избранной рабочими комиссии, следящей за правильностью замера, забоев и выработки породы; 6) увольнение рабочих с согласия комиссии; 7) неприкосновенность делегатов рабочих; 8) вежливое обращение; 9) улучшение медицинской помощи; 10) оплата сверхурочных работ по соглашению и оплата времени хождения в отдельные пункты, как за работу; 11) выдача расчетных книжек на руки; 12) регулярная уплата денег за дни болезни и увечье по вине предприятия; 13) увольнение 27 лиц из администрации.

Требования рабочих непосредственно свидетельствуют о нарушении администрацией приисков законов об охране труда. Вопреки требования закона, администрация практиковала воспрещенный расчет товарами, задерживлла в конторе расчетные книжки, не уплачивала за дни болезни и увечий. Что касается прочих требований, то все они, без исключения, не противоречат нашему законодательству и направлены к улучшению условий труда и жизни рабочих. Так, большинство

пунктов относится к разряду правил внутреннего распорядка, кои могут быть устанавливаемы путем соглашения сторон для каждого предприятия отдельно; требование „признания избранной рабочими комиссии“ (п. 5) принципиально не расходится с смыслом закона 10 июня 1903 года о старостах; наконец, особенно пугающее воображение требование восьмичасового рабочего дня, взятое из программы социал-демократической рабочей партии, во-первых, осуществлено уже в целом ряде предприятий (в том числе и казенных), во-вторых, наш закон устанавливает максимальную продолжительность рабочего дня, не воспрещая дальнейшее сокращение ее до любых размеров по взаимному соглашению сторон.

Справедливость требований рабочих была настолько очевидна, что чины горного надзора, на обязанности которых лежит улаживание конфликтов, вели переговоры с рабочими именно в пределах этих требований. Вместе с тем, губернское присутствие признало жалобы рабочих основательными и заслуживающими удовлетворения, каковое постановление, впрочем, было опротестовано губернатором. Таким образом, уже в самом начале конфликта в дело вмешались представители Правительства.

Воспитанная на произволе, годами практиковавшемся Правительством в отношении борющегося пролетариата, местная администрация в полном об'еме усвоила себе приемы насильственной расправы со всеми проявлениями самодеятельности рабочих. В течение целого месяца стачка протекала совершенно мирно, несмотря на разношерстный состав приискового населения. Спокойное поведение и выдержанность его следует отнести исключительно за счет деятельности избранной рабочими комиссии. Никаких насильственных действий со стороны рабочих проявлено не было. По свидетельству барона Гинзбурга, одного из заправил Ленского товарищества, правление, незадолго до расстрела рабочих, считало даже возможным пойти на уступки в ряде пунктов. Согласно собщению „Осведомительного бюро“, забастовка к концу марта шла на убыль.

Одним словом, для применения экстренных мер и усмирения рабочих военной силой никаких оснований не было. Тем не менее, 29-го марта общее командование усиленным военным отрядом было вручено специально командированному жандармскому офицеру Трещенкову, известному, по сообщениям газет, прошлой провокаторской деятельностью. Становится очевидным, что стремясь к скорейшему прекращению забастовки, Ленское товарищество, в делах которого заинтересован ряд крупных капиталистов и высокопоставленных лиц, решило, совместно с правительственными агентами, подавить забастовку военной силой.

Первым же шагом жандармского офицера, заявившего, как сообщают газеты, или расстрел, или прекращение забастовки, был арест делегатов от рабочих, руководивших переговорами с администрацией приисков. Делегаты, в свое время, были избраны по предложению местного исправника и окружного горного инженера. Арест этот можно истолковать только как меру, расчитанную на возбуждение негодования рабочих, дабы вызвать их на какие либо насильственные действия, иметь повод для применения военной силы. План вполне удался. Узнав об аресте товарищей, рабочие потребовали их освобождения.

Согласно телеграмме рабочих, дальнейшие события рисуются в следующем виде. „Мы, рабочие, пошли с заявлениями на Надежденский прииск к товарищу прокурора, где, не доходя до места пребывания прокурора, были остановлены окружным инженером Тульчинским, вручили ему заявление и просили доложить прокурору о заявлении от рабочих.

В это время раздались выстрелы стоящих войск на расстоянии 150 саж., без всяких предупреждений начальствующих войском. При первом выстреле все положились на землю с окружным инженером, которого спасли от смерти только трупы рабочих; вместе с ним лежал стражник, которого ранили. Не обращая внимания на то, что рабочие лежали на земле и во время перерыва ползли обратно, они продолжали стрелять беспрерывно. Поднято трупов до ста пятидесяти, ранено до двухсот пятидесяти.

В угоду кучке алчных капиталистов, строящих свое благосостояние на азартной биржевой спекуляции, принесены интересы тысяч рабочих. В интересах предпринимателей сотни семейств лишены кормильцев, сотни детей лишены отцов, жены—мужей. На далеких приисках, совместными усилиями Правительства и предпринимателей, вырыты сотни могил и к ним обращены теперь взоры всего рабочего класса. И, от имени всего рабочего класса России, мы констатируем следующее: Указом 2 декабря 1905 года за рабочими признано право стачек. Наказуются лишь забастовки в предприятиях, имеющих государственное или общественное значение. Между тем, волей местных агентов Правительства, причисливших к таковым и золотопромышленность, право Ленских рабочих на стачку уничтожено. Но кровавая Ленская трагедия является одним из более ярких выражений общей правительственной политики. Правительство вновь возвращается к старым испытанным приемам борьбы. Вновь повторяются златоустовская, домбровская и иные бойни, повторяется день 9-го января. Простые меры в виде высылки, арестов, преследования печати и союзов, оче-

видно, признаны недостаточными. И, в ответ на требование свободы коалиции-стачек, союзов, собраний—Правительство и капиталисты отвечают горючим свинцом.

Ввиду всего вышеизложенного, мы, нижеподписавшиеся, на основании ст. 33 Учр. Гос. Думы, предлагаем Государственной Думе принять нижеследующий запрос: 1) Известно ли Председателю Совета Министров и Министерству Внутренних Дел, что 4-го апреля 1912 г. на приисках Ленского золотопромышленного товарищества, за участие в экономической стачке, во время переговоров с чинами горного надзора, произведен расстрел рабочих, при чем убито 270, включая и умерших от ран, и ранено 250. 2) Если известно, то что намерено предпринять Правительство для выяснения истинных виновников бойни и привлечения их к законной ответственности, а также для предотвращения на будущее время подобных кровавых расправ с бастующими рабочими. Запрос просим признать спешным".

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПРЕНИЙ ПО ЗАПРОСУ С.-Д. ФРАКЦИИ В ГОСУДАРСТВЕН. ДУМЕ О ЛЕНСКИХ СОБЫТИЯХ.

Кузнецов. (Екатеринославской губ.) Гг. члены Государственной Думы. Мы, рабочие, не можем стать на точку зрения члена Государственной Думы Гучкова, который предлагает принять запрос, внесенный фракцией союза 17 октября, с тем, чтобы назначено было расследование, всестороннее и беспристрастное, с целью выяснения истинных и главных виновников происшедших ужасных событий, мы можем ждать того же самого, что было и на Лене. Это будет одно из самых беспристрастных и всесторонних выяснений: это то, что рабочие всегда и каждый раз за участие в экономических стачках расстреливались поныне, и то же будет впредь, при таком политическом положении, какое существует в настоящее время в стране. ДЛЯ НАС, РАБОЧИХ, НЕ НУЖНО НИКАКОГО ВАШЕГО РАССЛЕДОВАНИЯ. ДЛЯ НАС ПРИЧИНА СОВЕРШЕННО ЯСНА: МЫ ЗНАЕМ, КТО ЯВЛЯЕТСЯ ГЛАВНЫМ ВИНОВНИКОМ МАССОВОГО УБИЙСТВА РАБОЧИХ НА ЛЕНСКИХ ПРИИСКАХ. Мы думаем, что тут явились виновниками не одни капиталисты: бар. Гинзбург и гг. Тимирязевы, а также и Правительство. Но мы придаем

большую вину в этом массовом убийстве также и третьей Государственной Думе, потому что с самого начала существования третьей Государственной Думы, мы не раз вносили запросы о незакономерных действиях Министерства Внутренних Дел, т.-е. правительственной власти, о том, что правительственная власть за участие в экономических стачках арестовывает и высылает рабочих, и каждый раз, когда мы по такому поводу вносили запросы о действиях власти, большинство Государственной Думы всегда категорически заявляло с думской трибуны, что действия власти закономерны, а запросы наши признавались неправильными, и поэтому вы всегда в таких случаях давали собственно в этом отношении моральную поддержку правительственной власти, и, как результат этой моральной поддержки, явилось все это Ленское ужасное событие. Ведь для нас, гг., для рабочих, вовсе не является новостью то событие, которое произошло на Ленских приисках: рабочих и до 3 июня расстреливали; вспомните 9 января. Какие тогда были требования рабочих? Ведь рабочие г. Петербурга, в это кровавое воскресенье, шли с чем? Они шли с петицией к Царю просить о том, чтобы их положение было улучшено. И вот, вместо того, чтобы получить от Царя ответ и удовлетворение на ходатайство о их нуждах, они получили расстрел. (Справа шум и голоса: Царя не касайтесь). Вы вспомните, может быть, как в г. Ярославле рабочие, за участие в экономической стачке, также были расстреляны, за что даже от высочайшей власти получили благодарность. (Движение справа).

Председатель (звонит). Член Государств. Думы Кузнецов. Я вас покорнейше прошу действий Высочайшей власти не касаться.

Кузнецов. Вы вспомните про Златоуст, или вы, может быть, это забываете, но мы рабочие прекрасно это помним и, без всякого сомнения, в факте внесения вашего запроса, в особенности лицемерного октябристского запроса, ничего, кроме лицемерия, мы не видим. Рабочие расстреливались и будут расстреливаться до тех пор, пока не выступят дружной и организованной борьбой по примеру английских углекопов, когда дружной, усиленной и организованной борьбой рабочие выступят и противопоставят свои организованные силы силе насилия, тогда о массовых расстрелах, подобных ленским, и речи быть не может.

Гг., вы прекрасно помните, какое отношение было со стороны большинства Государственной Думы к внесенному нами законопроекту о свободе стачек. Этот законопроект, который мы внесли, был коротким. Мы говорили, что рабочим предоставляется право свободы стачек, союзов и собраний. Но как только законопроект попал в комиссию по рабочему во-

просу, где, конечно, большинство заседает из вас, гг. теперешние лицемеры, гг. Гучковы, когда был поставлен вопрос о желательности данного закона, вы, как один человек, помимо нас, рабочих, встали: не нужно, не хотим такого законопроекта. Теперь вы сюда выходите на думскую трибуну и просите, чтобы ваш запрос был принят, и назначено было расследование о том, что произошло на Ленских приисках. Кто же вам поверит после всей вашей пятилетней деятельности, что вы серьезно думаете это. (Слева рукоплескания на отдельных скамьях и голоса: правильно). Вы всегда рабочий вопрос решали в министерских передних. Вы помните, гг., что недавно в Москве на Ильинке состоялась дуэль Министра Финансов и представителя промышленности Крестовникова. Вы помните, может быть, как он говорил о культурном управлении страной и тогда, когда он говорил о культурном управлении страной, в этот же день культурный способ управления был применен сразу на Ленских приисках.

Это побуждает нас, гг., настаивать на принятии спешности этого запроса, ибо мы не гарантированы, ЧТО КУЛЬТУРНОЕ ПРИМЕНЕНИЕ УПРАВЛЕНИЯ СТРАНОЙ г. КОКОВЦЕВА, ВЫСКАЗАННОЕ ИМ В МОСКВЕ НА ИЛЬИНКЕ, НЕ МОЖЕТ ПОВЕСТИ НЕ ТОЛЬКО К РАССТРЕЛУ РАБОЧИХ ЛЕНСКИХ ПРИИСКОВ, НО И РАБОЧИХ ВСЕЙ РОССИИ, потому что его культурное применение управления страной сказалось с первого дня после посещения им г. Москвы. И в самом деле, гг., говорят: рабочие расстреляны за то, что они, будто бы, выставили политические требования. (Голос справа: ничего подобного). Оказывается, что бывший Министр, который отсюда неоднократно, будучи в должности Министра, отвешивал поклоны рабочему классу, Тимирязев, к числу политических требований относит и то требование, чтобы рабочих называли не на „ты“, а на „вы“. Это говорит он, невиданное требование со стороны рабочих, которое никоим образом не может быть удовлетворено. Итак, гг., мы, рабочие, не ждем, даже если запрос будет принят, и если будет назначено расследование, чтобы власти, которые совершили незакономерное действие—факт расстрела 270 рабочих и нанесения ран 250 рабочим—могли понести известное наказание. Но мало того, мы также убеждены, что, хотя бы их всех привлекли к ответственности, жизнь убитым рабочим не будет возвращена. ДЛЯ НАС, гг., ОДНО ВАЖНО ИЗ ЭТОГО ЗАПРОСА, ЧТО ЛЕНСКИЕ СОБЫТИЯ ДОЛЖНЫ ЕЩЕ РАЗ ПОСЛУЖИТЬ УРОКОМ ВСЕМУ РАБОЧЕМУ КЛАССУ, ЧТО В РАССТРЕЛЕ ЛЕНСКИХ РАБОЧИХ ПОВИНЕН ВЕСЬ РАБОЧИЙ КЛАСС, ПОТОМУ ЧТО ТОЛЬКО ПРИ ОДНОМ УСЛОВИИ, КОГДА РАБОЧИЙ

КЛАСС НЕСОМНЕННО БУДЕТ ОРГАНИЗОВАН, ТОГДА И РАССТРЕЛА НЕ БУДЕТ. Пусть же ленские события послужат им поводом к организации рабочих.

К нам, социал-демократической фракции, телеграммы уже поступают от рабочих заводов: „возмущенные расстрелом 150 товарищей, рабочие заводов, считая это не только делом ленских товарищей, а и считая это делом всех российских рабочих, мы требуем от Государственной Думы, чтобы семьи убитых были обеспечены, и были преданы наказанию виновники преступления". Но я считаю своим долгом напомнить рабочим, которые посылают подобного рода телеграммы, что дело не только в телеграммах, не только в петициях. Ведь в сущности петиции, которые рабочие прислали с требованием свободы стачек, союзов и собраний и коалиции, через социал-демократическую фракцию, в количестве более чем 70.000, ведь нисколько не облегчили их положения, а наоборот, в ответ на эти требования рабочие получили расстрел.

Дальше, мы считаем нужным заявить с этой трибуны свое глубокое сожаление о том, что войско принимало в расстреле своих братьев и отцов участие и исполнило приказ того ротмистра... (шум справа). Мы считаем на это нужным указать потому, что армия не предназначается для того, чтобы расстреливать рабочих—своих братьев и отцов. (шум справа).

Председатель. Член Государственной Думы Кузнецов. Прошу вас не выражать осуждения и не касаться армии, я этого не допускаю. (Захаров 2, с места: никто не касается армии).

Кузнецов. А рабочему классу, будущим его представителям, мы считаем нужным указать с думской трибуны, что не только петициями они должны бороться, не только на словах, но и на деле, пора приступить к делу, пора рабочему классу подвести итоги деятельности Государственной Думы, которая является главной виновницей в расстреле ленских рабочих. ПОДВОДЯ ИТОГИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ, РАБОЧИЙ КЛАСС ДОЛЖЕН НЕ НА СЛОВАХ, А НА ДЕЛЕ, НЕ ТОЛЬКО СМЕСТИ ТРЕТЬЮ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ, НО И ВЕСЬ СОВРЕМЕННЫЙ РЕЖИМ. (Рукоплескания слева).

Замысловский (Виленской губ.). Гг. члены Государственной Думы. Я принужден возражать против спешности запросов, ибо нахожу, что самые основания их неудовлетворительны. В запросах две стороны. Одна сторона—это отношение Ленского товарищества к своим рабочим. И в этой области мы, конечно, готовы усмотреть целый ряд незаконных, неправильных действий.

Очень может быть, что со стороны Ленского товарищества шла самая бессовестная и беззаконная эксплоатация рабочих: в этом отношении, конечно, мы всецело к запросу присоединились бы. Но ведь центр тяжести запросов не в этой, а в другой стороне; в том, что стреляли войска. Вот где незаконномерность: почему войска стреляли, почему был расстрел, и особенно это подчеркнуто в запросе гг. октябристов. Там о Ленском товариществе сказана совсем вскользь, а главный фокус устремлен на расстрел. Это обстоятельство и заставляет нас возражать против запросов по существу, а, следовательно, и против их спешности, ИБО МЫ УТВЕРЖДАЕМ, ЧТО В ТОМ ПОЛОЖЕНИИ, КОТОРОЕ СОЗДАЛОСЬ, ВОЙСКАМ НИЧЕГО НЕ ОСТАВАЛОСЬ БОЛЬШЕ, КАК СТРЕЛЯТЬ, ОНИ ДОЛЖНЫ БЫЛИ СТРЕЛЯТЬ, И, СТРЕЛЯЯ, ПОСТУПИЛИ СОВЕРШЕННО ПРАВИЛЬНО. А вот предшествующий момент, он действительно дает основание для запроса о незакономерности, но для запроса, обращенного исключительно к тем органам Правительства, от коих зависят действия Ленского товарищества.

Гг., не мы, правые, будем защищать засилие капиталистов, напротив, мы считаем совершенно недопустимым, когда власть, высшая правительственная власть, лебезит перед этими капиталистами, когда она хочет создать из этих капиталистов какое то первенствующее сословие, отодвигая на второй план и дворянство, и духовенство, и крестьянство, протягивая этим сословиям снисходительно два пальца и изгибаясь в то же время перед крупным торгово-промышленным классом. Это положение мы одобрять не можем (справа рукоплескания и голоса: браво). Но в нем именно мы и видим причину происшедшего. Если вы будете и впредь допускать гг. Гинзбургов в такое положение, в какое они допущены, то вы добьетесь, что наших рабочих будут расстреливать не сотнями, а тысячами. Нельзя давать капиталистам тех атрибутов, которые должны быть только у государственной власти, а, между тем, это делается. Вот здесь мы видим главную причину того, что произошло на Ленских приисках. Слева много говорили о Тимирязеве, упрекали этого деятеля чрезвычайно, обвиняли его в самых невероятных поступках. Но, вед, гг., Тимирязев— это деятель, который ближе всего примыкает к кадетским кругам и, пожалуй, к лево-октябристским, отчего же вы только теперь по поводу его действия спохватились? Гораздо меньше говорили левые ораторы о Гинзбурге, который стоит во главе Ленского предприятия. Но, гг., Гинзбурга мы уже всецело отдаем вам. Это именно вы всячески стараетесь, чтобы жиды пробрались к власти, и, действительно, добились того, что некоторые правительственные учреждения, вроде Киев-

ской конторы государственного банка, превращаются в жидовские лавочки. Вот теперь вы доигрались и до последствий. (Голоса справа: браво). Создается ажитаж и спекуляция около Ленских акций. Такой ажитаж, такая спекуляция, что возникает подозрение: да, может быть, сами заправилы и хотели всего этого разгрома, чтобы сыграть сначала на понижение, а потом на повышение. Я не знаю, так ли это было в действительности, но уж самая возможность таких подозрений ужасна. И когда обращаются к Правительству, Правительство говорит: таковы законы, таковы законы биржевой игры и банкирских контор. А почему же не меняют этих законов? Почему Правительство их не меняет и почему вы не вносите соответствующих законодательных предположений? Я обращаюсь преимущественно к руководящей партии, ибо именно ее законодательные предположения могли бы рассчитывать на успех, и она, к сожалению, стоит ближе всего к кругам крупных капиталистов.

Нам говорят, что, будто бы, забастовка носила только экономический характер. Это, само собой разумеется, не верно; там был ряд агитаторов, которые, несомненно, с почвы экономической старались подвинуть рабочих на политические требования. Мы знаем, что на приисках были члены второй Думы Толмачев и Баташев *), принадлежащие к социал-демократической партии, были и ссыльные переселенцы жиды Думке и Розенберг **). Несомненно, там велась агитация на политической почве, ибо социал-демократы не признают только экономической забастовки, они это говорят для отвода только глаз, но по существу, конечно, для них всякая забастовка имеет смысл только, как политическая.

Вот, гг., выдержка, из которой вы увидите, что это была за мирная толпа. Я цитирую газету „Речь“, ***) № 95 от 8-го апреля, где „Речь“ воспроизводит статью „Киевской Мысли“, составленную на основании корреспонденции, полученной из Бодайбо: „Рабочие Андреевского, Утесистого и Васильевского приисков, свыше 1000 чел., утром явились к окружному инженеру Тульчинскому и потребовали освобождения арестованных товарищей. В противном случае рабочие заявили, что заберут всех рабочих Ленского товарищества и двинутся в Бодайбо, для насильственного освобождения арестованных“. Что же, скопище, угрожающее насильственным освобождением

*) На Ленских приисках действительно был рабочий Баташев,— но последний с сосланным депутатам 2-ой думы ничего общего не имел. Депутат Баташев во время стачки находился за тысячу верст от места последней.

**) О роли ссыльных в Ленской забастовке смотри № 2—3 «Красная Летопись».

***) Кадетская газета.

арестованных, это—мирная толпа по вашему? Цитирую далее: „Сроком освобождения рабочие назначили три часа дня. После обеда рабочие двинулись по направлению к Надеждинскому прииску, главной резиденции Ленского товарищества. По дороге к ним примкнули рабочие Ильинского, Профьевского и Андреевского приисков и т. д.“.

Как же говорить, что это мирная толпа? В тех же органах совершенно категорически устанавливается, что эта мирная толпа шла для насильственного освобождения арестованных. Можно говорить, гг., о том, правильны ли или не правильны были аресты, это другой вопрос, но тогда я укажу только на то, что арестованные взяты под стражу по постановлению судебного следователя от 1-го апреля, а следователь привлек их в качестве обвиняемых по ст. 125 Угол. Улож., если вы прочтете ст. 125 Угол. Улож. и признаете, что на приисках действовал особый стачечный комитет,—а этого, повидимому, не отрицают и самые левые,—то вы увидите, что основания у следователя для такого привлечения были. Можно говорить, что следователь был пристрастен, что он мог в видах целесообразности ограничиться иной мерой пресечения, более слабой, все это можно говорить, но формально постановление о взятии под стражу было и, следовательно, говорить, что незаконно арестовали, никоим образом нельзя. Ну, а в смысле целесообразности? Вы теперь говорите, что не надо было арестовывать, тогда бы ничего бы не случилось, все было бы прекрасно. А если бы что нибудь случилось, и никто не был бы раньше арестован, то вы первые немедленно стали бы говорить, что все это произошло потому, что не арестовывали как, мол, это можно, безобразная толпа, стачечный комитет, почему же их не арестовали? В виду растерянности власти—это подлинные слова Гучкова—все и теперь, будто бы, вышло. Куда не повернуть, все у вас незакономерность. Просто вы к этой незакономерности придираетесь для того, чтобы бросить грязью в Правительство, больше не для чего.

По поводу самого расстрела, я позволю себе указать вам на закон, на ст. 30 Прил. к ст. 316 Общ. Учр. Губ. Это—„правила о действиях войск оружием“. Там совершенно категорически сказано: „Оружие холодное или огнестрельное может быть употребляемо войсками с соблюдением следующих правил: по передаче полномочий со стороны гражданских властей и после троекратного предупреждения сигналом на трубе для рассеяния неповинующейся толпы“. Примечание: „для предупреждения неповинующейся толпы ни стрельба вверх, ни стрельба холостыми патронами не должна быть допускаема“. Таковы слова закона. Я утверждаю, ЧТО В ДАННОМ СЛУЧАЕ В САМОЙ СТРЕЛЬБЕ РЕШИТЕЛЬНО НИКАКОГО НАРУШЕНИЯ ЗАКОНА НЕТ. Этот самый ротмистр Тре-

щенко, о котором так много здесь говорили, он вовсе не распоряжался стрельбой, он передал власть военному начальству, и военное начальство, т.-е. строевой офицер приказал дать сигнал на трубе. Был дан три раза сигнал на трубе, и после сигналов началась стрельба. Я утверждаю, что если бы офицер поступил иначе, то он подлежал бы суду, и вот тогда, действительно, была бы незакономерность с его стороны (голоса слева: значит стрелять можно?). ДА, МОЖНО И В ТАКИХ СЛУЧАЯХ ДОЛЖНО... (голоса справа: верно; несомненно так; обязательно)... потому что толпа идет на насильственное освобождение арестованных. За 160 шагов ее предупреждали, чтобы она дальше не шла. К толпе отправился инженер Тульчинский, вмешался в толпу и начал ее уговаривать. Толпа тем не менее пошла дальше. В нее дали первый залп, но перед залпом толпа бросилась ничком, и, повидимому, этот первый залп толпе особого вреда не причинил, так как после него толпа вскочила и с криком „ура“ вновь бросились на войска (слева смех и голоса: где вы взяли „ура“). Тогда уже на расстоянии 100 шагов, действительно, последовал тот расстрел, который причинил целый ряд убитых. Вот как было дело в действительности, и в этом никакой незакономерности ни со стороны ротмистра Трещенко, ни со стороны войск вы не усмотрите. Незакономерность есть только в действиях тех, кто поощряет всяких жидов Гинзбургов, кто поощряет гг. Тимирязевых, кто, вообще, преклоняется перед этими капиталистическими вожделениями (рукоплескания справа) *).

Скороходов (Томской губ.). Гг., члены Государственной думы, г. Председатель наше сегодняшнее заседание начал сообщением телеграммы, которою наш президиум выражал сожаление английской нации о постигшем ее несчастии. Верно, глубоко потрясающим было это несчастие; но у английской нации есть большое утешение: отовсюду, со всех концов мира, телеграфными или иными путями несутся им сожаления. То несчастие, о котором мы сегодня говорим; и которое потрясло нашу русскую душу до самой глубины ее, не имеет никакого утешения (Егоров с места, указывая вправо: их не потрясешь): мы ни откуда не получим, гг., ни телеграмм, ни сожалений, потому что это стало на Руси „бытовым“ явлением (рукоплескания). ЭТО ВОШЛО В ОБИХОД ВЛАСТИ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА; и если бы таковое сожаление откуда-нибудь поступило, ТРЕТЬЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ

*) Мы помещаем почти полностью речь Замысловского, чтобы показать, какими „ребяческими“ и гнусно-лживыми аргументами пользовался представитель правительственной партии, и как увидим также и далее,— представитель правительства, министр внутренних дел Макаров.

ДУМА ДОЛЖНА БЫЛА БЫ СЧИТАТЬ ЕЕ ЛИЧНЫМ ОСКОРБЛЕНИЕМ... (голоса слева: правильно).

Далеко, гг., р. Витим, но и оттуда, за семь тысяч с лишком верст, брызнувшая там фонтаном кровь долетела до Петербурга и обрызгала здесь власть. Да и одну ли только власть? НЕТ ЛИ ЭТИХ БРЫЗГ НА СТЕКЛЯННОЙ КРЫШЕ ДВОРЦА? Гг., члены третьей Государственной Думы, БОЛЬШИНСТВО ИЗ ВАС НАШЛО ДОРОГУ В ТАВРИЧЕСКОЙ ДВОРЕЦ ТОЛЬКО ПО ВЕХАМ 3 ИЮНЯ, большинство из вас в течение пяти лет только и делало, что говорило власти: чего изволите и как прикажите? Ведь это третья Государственная Дума не желала протестовать против казней и исключительных положений. Ведь это вы затыкали рот, большинство третьей Государственной Думы, защитникам народа, когда они пробовали защитить интересы народа. Кровью Ленских рабочих вы проиллюстрировали перед всем миром итоги вашей пятилетней работы.

Белоусов (Иркутской губ.). Господа! Речи по спешности исчерпали существо запроса. В них была выпукло воспроизведена вся картина течения забастовки и трагический ее исход. А в речах защитников Правительства заранее было предначертано все убожество тех ответов, которые даст оно на запрос. Таким образом, мне, жителю того края, приходится лишь только обобщить все сказанное вчера. В речах по спешности была установлена наличность отвратительной эксплоатации рабочих Ленским товариществом и была установлена также наличность нарушения законов, регулирующих взаимоотношения между работодателями и рабочими. Было выяснено и установлено также, что стачка рабочих явилась поэтому вполне естественным и закономерным шагом со стороны рабочих в целях улучшения своего положения. Выяснено было также, что стачка протекала мирно, что стачечники не остановили даже тех работ, которые содействовали сохранению шахт от порчи и разрушения. Установлено было в речах, произнесенных вчера, также в прессе и в сообщениях Правительства, что стачечники даже понизили свои требования настолько, что забастовка сама могла притти к своему концу.

Таким образом, гг., выяснено, что вмешательство в дело ликвидации стачки со стороны Правительства явилось и провокационным вызовом для рабочих и тягчайшим преступлением со стороны власти. Выяснилось, что совершено даже в нашей кровавой летописи необычное деяние, массовая ужаспая бойня беззащитных людей, осмелившихся поднять голос в защиту своего положения. Власть, обязанная сохранять интересы всех граждан, пользуясь силой, подняла руку для защиты одной из спорящих сторон, дабы оказать ей поддержку и дабы нару-

шить интересы слабейших. Таким образом, прибавилась еще одна позорная страница деяний старой власти и еще одно тяжелое преступление на весы истории, которая составляет в настоящее время свой обвинительный приговор ей. Кровавое преступление, совершенное в далекой Ленской тайге, гг., становится еще более тяжким, ложится еще более несмываемой печатью на руки совершивших его еще потому, что в этом случае власть не могла, и не может, и не приведет нам ни одного даже своего трафаретного об'яснения якобы необходимости вооруженного усмирения стачечников.

Установлено, что здесь разыгрались во всей наготе голые денежные интересы и аппетиты: они были главным импульсом для расстрела рабочих. В прибылях Ленского товарищества, гг., — это установлено в прениях и в прессе — в прибылях Ленского товарищества заинтересованными оказались очень крупные влиятельные лица, держатели акций. В курсе ленских акций заинтересованы также и жадные до золота слои, которые живут биржевой игрой, и то, что скрывалось в тайниках сношений правительственной власти с управлением Ленских приисков, вскрылось в той ужасной трагедии, о которой идет запрос. Удовлетворение требования рабочих понижало прибыль акционеров; временные беспорядки, расстрел рабочих создавали на бирже понижение цен акций, и вокруг стачки рабочих — скажу словами Гучкова, которые он применил совершенно несправедливо к социал-демократии, — вокруг стачки рабочих именно закопошились низменные интересы капиталистов. Для одних стачка несла понижение прибылей на акциях, а для других возможность широкой игры на бирже — понизить курс акций и затем скупить их по пониженной цене — это значит нажить миллионы. Вот, гг., одна из тех причин расстрела рабочих, которая создала эту трагедию; а Правительство, гг., в этом случае превратилось в исполнительный комитет банкиров и монополистов и вместе с тем слилось с правлением Ленского акционерного общества. И в самом деле, гг., местная администрация сообщала сюда, что нет надобности в призыве вооруженной силы, но, по настоянию, говорят, Министра Торговли и Промышленности, войска были вызваны. Таким образом влияние верхов власти в данном случае сказалось и они своего добились: рабочие терроризированы, стачка несомненно окончится, окровавленные кровью рабочих купоны Ленских акций принесут свои прибыли.

Таково, гг., существо дела, как оно вскрылось и в прениях по спешности и в прессе, которая этим вопросом занята вот уже целый месяц. И правительству нечего ответить на эти об'винения. Поэтому-то оно не явилось вчера к нам для дачи об'яснений. Вы помните, были случаи, когда были заинтересованы агенты

власти в других делах; вы помните случаи, когда были заинтересованы в запросах, вносимых Государственной Думой, сторонники Правительства и члены Государственной Думы, то Правительство немедленно выходило и давало свой ответ. Вспомните дело Гололобова, вспомните также разоблачения депутата Розанова о Сухомлинове. Мы видели здесь представителей власти, немедленно вышедших давать свой ответ. Но когда дело коснулось 300 человеческих жизней, 300 жизней рабочих, Правительство до сей поры не знает, что стало на Лене, и. гг., то, что Правительству ответить нечего на эти обвинения, прекрасно доказал вчера член Государственной Думы Замысловский, адвокат Правительства не только за страх, а, может быть, и за совесть. Он в своей лживой юридической аргументации, прекрасно разобранной депутатом Аджемовым*), ничего не мог привести другого, кроме возмутительно бессовестного сообщения о том, что рабочие бросились с криками „ура“ на солдат, желая освободить, якобы, арестованный стачечный комитет.

Что бы понять всю глубину, всю низость этого об'яснения, я скажу маленькое пояснение, как бывший житель Ленского края, пояснение чисто географического характера. Говорят, рабочие шли с кирпичами, с кольями, дабы выручить стачечный комитет. А в сообщении осведомительного бюро и в других сообщениях, напечатанных в текущей прессе, было сказано, что арестованный стачечный комитет был заключен в Бодайбинскую тюрьму, а кровавое происшествие было на Андреевском прииске. Между этим прииском и Бодайбо 40 вер. расстояния. Гг., чтобы говорить, что рабочие взяли кирпичи и дреколья, чтобы итти и освобождать стачечный комитет, сидящий в Бодайбинской тюрьме, за 40 верст... (Замысловский с места: это напечатано в „Киевской Мысли“). Это говорят, когда нечего сказать другого (Замысловский с места: это было напечатано в „Киевской Мысли“, я цитировал и не перевирал).

Председатель. Член Государственной Думы, Замысловский, прошу вас с места не говорить.

Белоусов. За 40 верст нести кирпичи для того, чтобы освободить стачечный комитет, — представляю судить вам о значении такого сообщения. Мне говорят, что в „Киевской Мысли“ были сообщены эти сведения. Во всяком случае, чтобы выступить в защиту Правительства в таком кровавом деле, следовало взглянуть хотя бы на карту.

Адвокаты Правительства, видя, что преступление настолько очевидно, что оно для самого темного человека понятно, прибегли, так же в целях отвлечения внимания населения, к сво-

*) См. стенографический отчет 3-ой сессии Госуд. Думы.

ему излюбленному способу сваливания вины на евреев. Евреи, говорят, еврейская компания, Гинзбург, а, следовательно, все дело понятно. Если бы не было евреев, несомненно, расстрела рабочих не было бы. Я спрашиваю, да кто же распорядился вызовом войск? Правительство, быть может, министр-премьер, быть может, министр внутренних дел, быть может, министр военный, быть может, министр торговли и промышленности? Далее, кто распорядился стрелять? Русский человек, жандармский ротмистр Терещенко или Трещенков. А сами солдаты, которые стреляли в безоруженную толпу, сами солдаты разве евреи? Все чистокровные русские. Следовательно, к чему же сваливать вину на евреев.

Гг., о роли Правительства в установлении тех порядков, которые привели рабочих Бодайбинской компании к забастовке, можно судить по следующему факту. Правда, не так давно местная администрация, в лице окружного горного надзоря, была в руках, в полном распоряжении администрации приисковой. Этот факт засвидетельствовали нам и история, и очевидцы. Но я должен, гг., вам сообщить, что, с назначением горного окружного инженера Тульчинского, эти отношения изменились. Тульчинский как раз в своих отношениях к приисковой администрации, к рабочим, стал на точку зрения закона. Знаете, что из этой строгости вышло? Тульчинский едва не был уволен. Он получил внушение от власти и упреки в возбуждении рабочих против приисковой администрации, указания, что его усердие не по разуму... Я не передаю подлинного внушения, но я передаю только его существо, как слышал от жителей приисков. По этому поводу следует установить—так говорит сама приисковая жизнь,—что отношения между высшею властью и этой акционерной компанией были самые близкие... Власть всегда шла навстречу золотопромышленникам, но не шла навстречу интересам рабочих.

Таким образом следует думать, что Государственная Дума не узнает всей правды из того сообщения министра внутренних дел, которое, якобы, ожидается, если судить по газетам, на завтра.

В этом, гг., весь ужас современного строя жизни страны. Защита запроса о незакономерных действиях власти, расстрелявшей толпу людей, есть один из тех пародоксов, которыми так богата жизнь нашей страны. Там, в далекой глуши, в тайге лежат сотни человеческих трупов, заготовлены сотни гробов, там пролилась кровь, там еще умирают пронизанные солдатскими пулями другие жертвы карательной экспедиции Правительства, а у нас, в законодательном учреждении, у нас рассуждают о том, какая статья закона этой стрельбой нарушена; у нас находятся люди, которые выходят с апломбом на эту трибуну защищать деяние Правительства. И вот, гг.,

если вдуматься в этот парадокс русской жизни, который мы наблюдаем сейчас и наблюдали вчера, то можно только сказать: какая жестокая насмешка над страной, над ее народом, над ее законами, над ее управлением. Нам нужны доказательства, нам нужны сопостановления, нужны чуть ли не фотографические снимки, юридическая аргументация, патетические речи, чтобы убедить Думу принять такой запрос. Триста теплых трупов лежат в настоящее время в тайге, сотни других готовы отправиться к праотцам, а мы, члены Думы, ломаем голову над тем, что внести — запрос или вопрос, и над теплыми трупами слышатся рассуждения: а не было ли, говорят, политики в движении рабочих? А если, дескать, была политика, то расстрел их заслуженный. Вот в чем ужас переживаемого нами текущего времени и весь ужас подлого строя. Таким образом, гг., запрос наш, столь трепетно ожидавшийся возмущенными кругами общества, будет иметь лишь одно следствие: он лишний раз покажет перед страной, в руках каких вахмистров по воспитанию и погромщиков по убеждению находятся судьбы народа.

Министр внутренних дел Макаров.—Обращаясь к содержанию вашего запроса, я нахожу, что органам власти вменяются вами в вину два обстоятельства: 1) вмешательство в мирно-протекавшую забастовку и 2), как последствие этого вмешательства, применение огнестрельного оружия без достаточного к тому основания.

Итак, прежде всего, протекала ли забастовка на Ленских приисках действительно мирно, не вызывая необходимости в вмешательстве административной власти для поддержания на Ленских приисках порядка и безопасности? Для разрешения этого вопроса позвольте вам доложить в краткой схеме, в последовательном порядке, все те события, которые на Ленских приисках за это время произошли. Забастовка началась 29 февраля нынешнего года с того, что 900 рабочих Андреевского прииска отказались встать на работу. 3 марта появились уже требования рабочих, при чем в число этих требований включено было и требование восьмичасового рабочего дня (Егоров, с места: какая страсть, больно страшно). 9 марта все прииски уже не работали и число забастовавших дошло до 6.000 чел. Около этого же времени обнаружено было и руководительство этой забастовкой стачечным комитетом. Когда прокурор Иркутского Окружного суда получил об этом донесение горного исправника, им было предложено местному мировому судье приступить к предварительному следствию по п. 3 ст. 125 Угол. Улож. Этот закон, гг., члены Государственной Думы, имеет в виду участие в сообществах, заведомо поставивших целью своей деятельности возбуждение

рабочих к устройству или продолжению стачки, ст. 367 предусмотренной (Кузнецов, с места: а закон 2 декабря? Пуришкевич, с места: не перебивайте).

Председатель. Покорнейше прошу с мест не возражать.

Министр внутренних дел. А ст. 367 говорит о стачках на таких предприятиях, которые происходят на заводах, фабриках, горных промыслах, железнодорожных, портовых и тому подобных мастерских, т. е. и на предприятиях, не имеющих, строго говоря, государственного или общественного значения. Таким образом, по действующему закону, если, согласно указу 2 декабря 1905 г., участие в стачке в предприятии, не имеющем государственного или общественного значения, и не наказуемо, то участие в сообществе, заведомо поставившем целью своей деятельности возбуждение рабочих к стачке вообще, остается наказуемым. (голос слева: тонко). Следовательно, возбуждение преследования по п. 3 ст. 125 Угол. Улож., как закону действующему, представлялось совершенно правильным, но это возбуждение не повлекло за собою никаких практических последствий, потому что на месте не имелось полицейской силы для приведения в исполнение требования мирового судьи об аресте стачечного комитета, и горный исправник вынужден был отказать судебной власти в производстве обысков и задержании тех лиц, которые были привлечены к ответственности по этому делу, о чем прокурор окружного суда рапортом от 21 марта донес прокурору палаты и министру юстиции. На ряду с этим и, быть может, благодаря этому, положение на Ленских приисках становилось все более и более угрожающим, при чем возникло предположение о возможности порчи и истреблении приискового имущества. Вследствие этого было сделано распоряжение о командировании из Киренева, за 300 верст, находившейся там войсковой команды, об отправлении, находившегося в это время в Иркутске в отпуску, очень уважаемого на месте и известного по всей деятельности в Восточной Сибири горного инженера Тульчинского в Бодайбо, а так же о командировании туда ротмистра Трещенко (голоса слева: весьма известного) для того, чтобы на месте была власть, которая об'единяла бы все полицейские учреждения. Таким образом, начальником полиции и был сделан 22 марта ротмистр Трещенков.

В это время результаты праздного шатания по приискам многочисленной толпы, среди которой агитировали подстрекатели, как и следовало ожидать, проявились во всей силе: толпа проникала в полицейские дома, производила там обыски, останавливала пассажирские поезда, оказывала сопротивление при попытках к выселению рабочих по исполнительным листам судебных мест, не допускала вновь нанятых рабочих стать на работу и т. п. Окружной инженер Тульчинский, — считавшийся дру-

гом рабочих, действительно запечатлевший эту дружбу геройским выступлением 4 апреля навстречу толпы и оказавшийся, благодаря этому, под выстрелами, — всячески старался добиться соглашения между Ленским товариществом и рабочими. По телеграмме Тульчинского, он всеми усилиями стремился примирить стороны, но тем не менее рабочие стояли на своем и даже, когда он вывесил об'явление, которое предупреждало, что, в случае невыхода рабочих на работы, промысловое управление начнет срочные, не терпящие никакого отлагательства работы по исправлению заплотов и приведению в должный порядок водяных канав новыми рабочими под охраной вооруженной воинской силы, такого рода об'явление никакого значения не имело, равно как и об'явление, выставленное в то же время ротмистром Трещенко о том, что он будет охранять этих, вновь нанятых рабочих, воинской силой.

К этому времени положение на приисках стало совершенно невозможным, и Иркутский губернатор, относившийся с самого начала и до конца чрезвычайно благожелательно к рабочим, оказался вынужденным послать 2 апреля телеграмму ротмистру Трещенко о необходимости, наконец, исполнить требование судебной власти и арестовать лиц, привлеченных мировым судьей к ответственности за участие в стачечном комитете. Это предложение губернатора было исполнено в ночь на 4 апреля, а затем 4 апреля, как вам известно, произошло то кровавое событие, которое стоило жизни 163 рабочим. Позвольте мне изложить вам это событие по трем телеграммам, исходящим из различных источников. Окружной инженер Тульчинский по этому поводу доносит, что 4 апреля, в 7 час. утра возбужденная толпа рабочих, свыше 1.000 чел., с трех приисков явилась к нему с требованием немедленно освободить арестованных, угрожая в противном случае собрать рабочих со всех приисков товарищества и двинуться в Бодайбо для их освобождения, при чем для исполнения своего требования назначили 3 час. дня 5 апреля. Проехав на Надежденский прииск, Тульчинский встретил другую толпу возбужденных рабочих Александровского прииска, шедших к дистанционной конторе с требованием немедленного освобождения арестованных и немедленного расчета. Он бесполезно убеждал, и, по его донесению,—разойтись, не делать насилий, и, прибыв на Надежденский прииск, узнал, что на Федосийском прииске собралось до 3.000 рабочих и против них стоит рота. Прибыв к этим рабочим, по их требованию, Тульчинский попросил отвести роту, которая и отошла к месту стоянки у народного дома, сам он бесполезно убеждал федосийцев разойтись. Рабочие вели себя угрожающе и пред'являли те же требования. В это время рабочие четырех приисков направились на соединение с Александровскими и массою более

3.000 ч. двинулись к народному дому, куда и прибыли к 5 ч. дня. Несмотря на предупреждения и сделанные сигналы, толпа угрожающе надвигалась на войска, которые и дали несколько залпов. Из депеши ротмистра Трещенко видно, что в то же утро, в виду отказа разойтись, рабочие были предупреждены, что будут рассеяны воинской силой, которая и была вызвана на место. Среди рабочих распространялись гектографированные воззвания, за подписью „Союза горнорабочих", и произносились зажигательные речи, после чего толпа потребовала к себе инженера Тульчинского, по приезде которого войска, по его просьбе, были уведены, но толпа и по отношению к Тульчинскому держала себя крайне вызывающе. Днем до 4.000 рабочих направились на соединение с рабочими Федосийского прииска и, на требование разойтись, кричали: „вас давно надо проучить". Ссылаясь на всех представителей власти, бывших на месте, ротмистр Трещенко категорически утверждает, что такое поведение рабочих было вызвано вовсе не арестами, а полным сознанием безнаказанности творимых ими в течение более месяца беспорядков и насилий и ежедневно возрастающими требованиями. Когда толпа, не исполнив требования, продолжала двигаться на Надежденский прииск, вновь была вызвана войсковая команда, и рабочие, не исполнив требования разойтись, подошли к ней приблизительно на 160 шагов. В это время к ним направился для уговоров Тульчинский, но не достиг цели,—толпа продолжала наступать, и если бы ротмистр Трещенко не передал в этот момент власть начальнику команды в присутствии товарища прокурора и судьи, то войска были бы смяты и обезоружены. Толпа и после трех сигналов на рожке не остановилась, а после первого залпа легла; когда же огонь был прекращен, то, с криком ура, вновь пыталась броситься на войска, вследствие чего было сделано еще три залпа. Насколько положение было серьезно, доказывает тот факт, что пришлось открыть огонь по толпе, несмотря на то, что в ней находился Тульчинский. Наконец, товарищ прокурора окружного суда Преображенский удостоверяет, что настроение толпы 4 апреля, очевидно, под влиянием ускользнувших из-под ареста главарей Баташева и Попова, стало грозным. Против Федосийского прииска, где арестов не было, с 7 часов утра до 2 ч. дня стояла вызванная команда, ежеминутно ожидая беспорядков от собравшейся толпы. Приисковые служащие были предупреждены и вывезены ротмистром Трещенко, уговоры которого и инженера Тульчинского были тщетны. Главным требованием было немедленно освободить десять арестованных с угрозой расправиться с полицией силой, но так как толпа в наступление не переходила, то команду отправили обратно. Около 3 ч. дня стало известно, что со стороны Бодайбо идет на соединение

с Федосийскими рабочими толпа рабочих с разных приисков, свыше 3.000 чел. Ротмистр Трещенко приказал через урядника толпе остановиться на Александровских приисках, но она достигла до Надежденских, где помещается главная контора и расположена была в боевом порядке команда. Тульчинский бросился к толпе с уговорами. Подан был сигнал (трубой). Толпа остановилась на несколько мгновений, окружила Тульчинского, но тотчас же двинулась с криками „вперед". Положение было столь опасное, что через минуту войска были бы смяты, и солдаты, всего 110 человек, без резерва, волновались, требуя распорядиться стрелять, без натиска. (Розанов, с места: хороша дисциплина). Тульчинский, силой удержанный рабочими, остался под выстрелами, а стражник Титов, бросившийся еще раньше к толпе с уговорами, также был задержан ею и получил рану в ногу. После первого залпа толпа легла, но сейчас же вскочила и с криками „ура" бросилась к солдатам, в виду чего было дано три залпа, остановивших это наступление. На месте толпа оставила принесенные кирпичи, колья и палки.

Вот как рисуется событие 4 апреля, незаконное вмешательство в мирно протекавшую забастовку? Представителей полиции можно упрекать по этому делу в чем хотите, но только не в превышении власти. (Голос слева: а в провокации). Их действия сводились исключительно к исполнению требований судебных властей и к поддержанию, в той мере, в какой это представлялось возможным их слабым силам, порядка и спокойствия на приисках. Да и самая забастовка, как вы уже, вероятно, из изложенного мною выше сами усмотрите, вряд ли может почиться мирно протекавшей. (Розанов с места: откуда это видно?) Помимо этого, и подкладка ее была во всяком случае не исключительно экономическая, а в значительной мере политическая. (Голос слева: Ленскую республику хотели устроить?). Я уже имел честь передать вам, что в самом первом требовании 3 марта уже указывалось на восьми часовой рабочий день... (Кузнецов с места: что же, это разве политическое?).

Председатель. Покорнейше прошу соблюдать тишину.

Министр внутренних дел Макаров... а в настоящее время уже... (голос слева: возмутительно; голос справа: выставьте хулиганов).

Председатель. Покорнейше прошу не шуметь.

Министр внутренних дел... а в настоящее время (Кузнецов, с места: оскорбительно слушать) уже установлено, что в числе арестованных 10 членов стачечного комитета, привлеченных судебной властью к ответственности по ст. 125 Угол. Улож., находится между прочим Александр Соболев, осужденный в 1908 г. Виленским военно-окружным судом за

распространение нелегальной литературы среди нижних чинов; Эдуард Думке, признанный виновным в 1907 г. временным военным судом в Риге в принадлежности к латышскому социал-демократическому союзу (Пуришкевич с места: почему не повесили?), и Индрик Розенберг, осужденный в 1906 г. временным военным судом Забайкальской обл. за принадлежность к революционному сообществу в каторжные работы на четыре года (Пуришкевичь, с места: надо было повесить; голос справа: вот так компания; голос слева: по поводу провокации Правительства). Несколько членов стачечного комитета успели скрыться и в том числе виднейшим из них был Баташев, бывший член второй Государственной Думы, осужденный по приговору особого присутствия Правительствующего Сената от 1-го декабря 1907 г. к каторжным работам на четыре года по делу социал-демократической фракции и участии ее в образовании военной организации (шум; звонок Председателя). При таких руководителях, естественно, забастовка не может считаться исключительно экономической и не могла, по моему крайнему убеждению, протекать мирно (голос справа: браво).

Обращаюсь к второй части запроса. Если согласиться со мной и признать, что незакономерного вмешательства административной власти в „мирно протекавшую“ забастовку не было, то нельзя и выводить последствием такого вмешательства прискорбные события 4-го апреля, ибо нет причины, нет и следствия. Тем не менее, я вовсе не хочу оставить и это обстоятельство без всестороннего и подробного обсуждения. Для того чтобы признать, было ли достаточное основание для обращения к огнестрельному оружию или нет, надо разрешить, по моему мнению, два вопроса: 1) соблюдены ли были установленные для этого в законе требования (слева голос: циркуляр) и 2) имеются ли в деле достаточные указания на то, что 4-го апреля командовавшие воинской частью лица имели право отдать распоряжение об обращении к оружию. По первому вопросу, по формальной, так сказать, стороне этого дела считаю себя обязанным сказать, что условия, при которых закон допускает обращение к огнестрельному оружию, указаны в приложении к ст. 316 (примечание) Общ. Учр. Губ., т. II, ч. I Свод. Зак. по Прод. 1906 г. И вот в чем они заключаются: ст. I этих правил говорит: „войска могут быть призываемы для содействия гражданским властям лишь в крайней необходимости и при недостаточности полицейских средств“. По ст. 2., при выше указанных условиях, гражданские власти имеют право призывать войска: „для прекращения угрожающих общественной безопасности: народных беспорядков, массовых сопротивлений гражданским властям и насильственного похищения и разрушения имущества (разгромов)“. Ст. 26

устанавливает, что если к времени прибытия войск, вызванных на место беспорядков, последние не прекращаются, то гражданские власти, без замедления, сделав последние увещевания, уполномачивают начальника прибывшей команды выполнить те мероприятия, которые могут повести к прекращению беспорядка, рассеянию толпы или захвату ее. При этом, согласно ст. 28, начальник вызванной команды, получив, указанные в ст. 26 сего положения, полномочия от гражданских властей, действует по своему усмотрению всеми теми способами, которые признает соответственными положению дела, прибегая к увещеванию, если таковое будет признано им возможным, а затем, по ст. 30, оружие холодное или огнестрельное может быть употребляемо войсками с соблюдением следующих правил: по передаче полномочий со стороны гражданских властей и после троекратного предупреждения сигналом на трубе или барабане, для рассеяния неповинующейся толпы, и не ожидая передачи полномочий со стороны гражданских властей и без всякого предупреждения, против толпы, или арестантов, нападающих на войска или совершающих какие либо враждебные против них действия. На основании примечания к этой статье, для предупреждения неповинующейся толпы ни стрельба вверх, ни стрельба холостыми патронами не должна быть допускаема.

Думается мне, что если вы сопоставите эти правила с событиями 4-го апреля, как они изложены в прочитанных мною телеграммах, то вы найдете, что формально все требования, необходимые для открытия огня, были соблюдены. Хотя по ст. 30 употребить оружие можно было и без предупреждения, но в данном случае предупреждение на рожке сделано было. Обращаясь к существу, я нахожу нужным, для освещения этого вопроса, напомнить вам лишь соответствующие места уже прочитанных мною телеграмм. Из телеграммы Тульчинского вы видите, что, несмотря на предупреждение и сделанные сигналы, толпа надвигалась на войска, а в телеграмме ротмистра Трещенко и товарища прокурора Преображенского эти обстоятельства изложены еще более ярко, так как в депеше Трещенко удостоверяется, что если бы не была передана власть начальнику команды, в присутствии товарища прокурора и судьи, то войска были бы смяты и обезоружены, а товарищ прокурора Преображенский доносит, что положение было столь опасно, что через минуту войска были бы смяты, и солдаты, всего 110 чел., без резерва, волновались, требуя распорядиться стрельбой, боясь натиска (голос слева: большего цинизма от вас не надо).

Вот при каких обстоятельствах сделано было обращение к огнестрельному оружию. Можно ли, спрашивается, при наличности таких условий, утверждать, что обращение к огне-

стрельному оружию было допущено без достаточного к тому основания? Что бы сказали вы здесь, гг., если бы это не имело места, и толпа в несколько тысяч человек, окружив солдат, обезоружила бы их? (Пуришкевич, с места: сказали бы, что нет Правительства.) Вы бы сказали по меньшей мере, что Правительство преступно бездействовало (голоса справа: верно, правильно) и вы бы были правы. А могло ли и должно ли было это случиться? Для меня, несомненно, что могло и должно было. Не далее, как вчера, я получил телеграмму (слева голоса: от Трещенко) следующего содержания: „следствием по ст. 123 Угол. Улож., т. е. об участии в скопище, устанавливается, что цель скопища 4 апреля была захватить оружие солдат, смять их и разгромить прииски (голоса слева: бессмыслица, кто подписал телеграмму?).

Председатель. Прошу не прерывать г. Министра Внутренних Дел. Покорнейше прошу соблюдать тишину.

Министр Внутренних Дел Макаров. Согласитесь, гг. члены Государственной Думы, что такие действия совершенно недопустимы. Воин и оружие нераздельны; потеря оружия—позор для воина. С войсками не шутят. Войско руководится в своих действиях исключительно принятой присягой, требованиями своих уставов и железной дисциплиной, сковывающей войска. (Голос справа: браво, верно.) Когда потерявшая рассудок, под влиянием злостных агитаторов, толпа набрасывается на войско, тогда войску ничего другого не остается делать, как стрелять. (Голоса справа: верно.) Так было и так будет впредь (Кузнецов, с места: пока вы у власти; голоса слева: кровопийцы; рукоплескания справа; шум).

Кузнецов (Екатеринославской губ.). Гг. члены Государственной Думы. Я от имени рабочего класса выражаю свою глубокую благодарность Министру Внутренних Дел за сказанную им сегодня речь с думской трибуны. Эта речь является одной из лучших прокламаций, которую ни когда ни одна из социалистических партий не печатала в своих воззваниях. Я рекомендую рабочему классу сегодняшнюю речь печатать и распространять усиленно, как ни одну социал-демократическую прокламацию, как ни одно социал-демократическое воззване. Его речь заключалась в том, что он подтвердил все то, что было сказано мною с думской трибуны в прошлом заседании, т. е. что это так было и так будет впредь. Мы это категорически утверждаем, что рабочий клас расстреливался и будет расстреливаться впредь до тех пор, пока будет существовать тот политический строй во главе с гг. Макаровыми (голоса слева: правильно; звонок Председателя; рукоплескания слева). Ведь, гг., это особенно характерно подчеркивает всю сущность современного политического управления, когда

в таких серьезных и важных вопросах, когда расстреливается Правительством около 500 человек, тогда глава Правительства, в Москве, говорящий перед Европой о культурном управлении страной, высылает своего стрелочника, Министра Внутренних Дел, известного не только нашей стране, но и Европе, который был главным виновником осуждения социал-демократических депутатов второй Государственной Думы на каторгу.

В самом деле, что сказал Министр Внутренних Дел? Вы слышали категорическое заявление от Министра Торговли и Промышленности о тех требованиях, какие были пред'явлены рабочими Ленских приисков. Ни одно из всех этих требований не имело политического характера. Однако, несмотря на это, Министр Внутренних Дел утверждает, что все-таки в трех пунктах были политические требования. В каких же этих трех пунктах были политические требования?

Он говорит, что в одном из этих пунктов было политическое требование, в котором рабочие требовали, чтобы администрация не имела права увольнять рабочих без согласия на то выборных из своей среды рабочих. Но, спрашивается, какое же это политическое требование, когда сам закон признает за рабочими право выборов старост, которые на некоторых заводах у нас в России устанавливают расценку вместе с администрацией и заведуют приемом и увольнением рабочих. Таким образом, это уже не может отнестись никоим образом к числу политических требований. Что касается восьмичасового рабочего дня, на который особенно упирали, как тот, так и другой министры, то, ведь, гг. министры знают, что в России на многих заводах существует восьмичасовой рабочий день, и рабочие работают по три смены, так что и это требование не относится к числу политических, коль скоро эти требования во многих предприятиях в России уже осуществлены.

Теперь, что касается об'яснений по существу, то они не выдерживают ни малейшей критики. Это явствует из того, что министр говорит, что рабочие через минуту могли бы, по донесению гг. провокаторов Трещенко, смять солдат. Спрашивается: на каком же расстоянии находились рабочие от солдат? Официальные сведения говорят—100 сажен. (Голоса справа: шагов.) 100 шагов, но если допускать это, то с какой же быстротой, значит, верст 10 или около 15 вер., значит, верст 10 или 15 вер. рабочие должны были идти, чтобы пройти в течение одной минуты такое растояние. Вы видете, какая собственно здесь натяжка (голоса справа: расчет не понятен), в каких вопросах.. да, очень понятен. (Голоса справа: вы вздор говорите.)

Председатель. Покорнейше прошу не прерывать оратора.

Кузнецов. Министр Внутренних Дел говорил, что хо-

тели обезоружить собственно солдат для того, чтобы разгромить рудники, но, гг., это настолько наивно, что сибирские депутаты отсюда, очевидно, подтвердят, что если бы рабочие разгромили рудники, в этой местности, которая, как он говорит, весной отрезана в течение нескольких месяцев от г. Иркутска, то рабочие, значит, сами себя подвели бы под голод и в течение этих месяцев вымерли от голода. Да им не нужно было ни обезоруживать солдат, так как у рабочих для того, чтобы разгромить шахты, были другие средства—затопить шахты. Но рабочие не встали на этот путь. Это нужно приписать тем агитаторам, о которых здесь говорил Министр Внутренних Дел, ибо только благодаря им стачечный комитет, руководивший столь организованно и удачно в течение каких нибудь полутора месяцев забастовки, не дал возможности разразиться эксцессам и при том разношерстном составе рабочих, которые находятся на этих приисках. И вот при этих условиях в этом комитете видят заведомо политических деятелей и указывают отсюда, для характеристики этого комитета, что член второй Думы Баташев является главным руководителем забастовки на Ленских приисках. Поэтому сама забастовка, раз там был осужденный Правительствующим Сенатом за принадлежность к социал-демократической партии член второй Государственной Думы Баташев, сама забастовка и сами рабочие носят политическую окраску, т. е. социал-демократическую. Однако, Министр Внутренних Дел не сказал отсюда, за что был осужден и каким судом был осужден депутат Баташев? (Голоса справа: коронным.). Он был осужден за то только, что в течение короткого времени существования второй Государственной Думы смело и открыто заявил с этой трибуны врагам рабочего класса, что они не честно, а подло борются с рабочим классом за свое существование. (Рукоплескания слева.) И вот за это он был осужден. (Голоса справа: вздор; шум; звонок Председателя.) Да, путем провокации и сам суд, тот суд, на авторитет которого ссылается Министр Внутренних Дел, почему же он, бросивши гласное обвинение действительно народным представителям, не убоялся гласно получить ответ на брошенное обвинение? Он двери суда закрыл, как и вы закрыли двери для того, чтобы страна не услышала правды о том, какой суд осудил представителя рабочего класса (шум справа; голоса слева: руки в крови у вас!).

И, гг., рабочий класс прекрасно понимает и прекрасно понимает вся страна,—вся демократия нашей огромной страны дает вам надлежащую оценку. Вы всегда шли и идете вместе с Правительством, ибо вы должны оказать ему услугу за услугу и известное доверие. Ведь Правительство при помощи штыков посадило вас на скамьи Третьей Думы (голоса справа: что за вздор; шум; звонок Председателя).

Председатель. Покорнейше прошу соблюдать тишину.

Кузнецов. Министр Внутренних Дел говорил отсюда, что войско, т. е. не этот офицер Трещенко, а что будто бы сами солдаты рвались в бой, хотели расстреливать, но, гг., пройдет несколько времени и немного времени (шум справа, голоса слева: нахалы; звонок Председателя), пока мы узнаем всю правду; и я глубоко убежден, что войско не рвалось в бой, а войско вынуждено было по приказу этого провокатора расстрелять своих братьев и отцов и что впоследствии это войско безусловно поймет свою ошибку, поймет то, что было ими сделано. (Рукоплескания слева.)

Председатель. Член Государственной Думы Кузнецов. Покорнейше прошу вас не касаться армии (Егоров, с места: а разве армия не была в деле?). Член Государственной Думы Егоров, призываю вас к порядку. (Шум справа.) Член Государственной Думы Пуришкевич. Прошу вас не шуметь.

Кузнецов. Министр Внутренних Дел говорит, что как же в самом деле было не стрелять в эту толпу праздношатающихся, по его мнению, на приисках. Я бы спросил Министра Внутренних Дел: да, Министр, вы не будете шататься, вам прекрасно за народные деньги занимать скамьи гг. Министров и получать весьма солидные оклады, а они вынуждены были шататься, потому что вместо..... (шум справа).

Председатель. Член Государственной Думы Пуришкевич. Прошу вас не прерывать оратора.

Кузнецов... потому им вместо мяса, которое кушают люди, выдавали конину, из чего забастовка в первое время вспыхнула, потому что рабочие отказались кушать падаль. Вот из-за этого, как первый, так сказать, толчек к об'явлению экономической стачки, вы, гг., вместо хлеба дали свинец. Рабочий класс прекрасно понимает это. Они заявляют в телеграммах, получаемых нами каждый день, они говорят: расстрел ленских рабочих является также расстрелом и нас. Дело ленских товарищей, заявляет весь рабочий класс России, является делом нашим.

Вы видите, гг., что расстрел ленских рабочих и сейчас уже служит известным, так сказать, толчком к организации рабочего класса. По всей России, на всех заводах начинаются протесты против кровавой расправы над рабочими, честно боровшимися за свое экономическое улучшение. Но как только начинается столкновение труда и капитала, так на авансцену этой борьбы между трудом и капиталом выступает некий третий элемент. Кто? Правительство. Оно разрешает этот вопрос штыком. Кому этот штык? Рабочему. И после таких картин, после таких повседневных случаев в области нашей экономической борьбы труда с капиталом гг. министры выходят на думскую трибуну и заявляют отсюда: „да ведь заба-

стовка носила политический характер". А того не знают, что сами то они первые вносят политику в эту забастовку. Ведь в самом деле: с половины 1910 года в России, в связи с вопросом об экономическом улучшении, было уже несколько десятков стачек. Найдете ли вы хоть одну экономическую стачку типографов или рабочих металлических заводов, когда бы не было арестовано 10—20 человек того или другого завода, принимавших участие исключительно в экономической стачке? Спрашивается: кто их арестует и за что их арестуют? Арестует их та же правительственная власть, которая выходит сюда и заявляет лицемерно, что если бы не было политики в забастовке, тогда, конечно, никаких подобных ужасных событий, которые имели место на Ленских приисках, не могло бы быть.

Так вот, гг., теперь вы никого не обманете и рабочий класс в заблуждение не введете,—не введете в заблуждение всю нашу страну и всю Западную Европу. Гг., вы об этом можете беседовать с гг. Гучковыми на Ильинке, но вот выйдите сюда, вместо Ильинки, на думскую трибуну, г. Коковцов, с вашим новым курсом, сказать: вот какой мой дебют, первый дебют культурного управления государством. Он заключается в расстреле 500 рабочих, мирно боровшихся за экономическое улучшение своего быта. Однако, гг., он трусливо и лицемерно спрятался и не вышел сюда на трибуну, а прислал известного всей Европе и всей стране г. Макарова. Мы благодарим г. Макарова от имени рабочего класса, что лучшей речи ожидать нельзя было. Он повторял все то, что рабочие расстреливаются и будут впредь расстреливаться за экономические стачки, и пусть рабочий класс знает: для того, чтобы он не расстреливался впредь, он должен организоваться, сомкнуть свои ряды и идти дружной организованной борьбой на уничтожение современного режима и для водворения социалистического строя. (Рукоплескания слева.)

Л. Б. Каменев.

ЛЕНСКАЯ БОЙНЯ И 3-ье ИЮНЬСКАЯ МОНАРХИЯ. *)

В кровавых преступлениях зачата III Дума, кровавым преступлением кончаются ее дни. Правительство, либеральные купцы и либеральные помещики в один голос стараются уверить и русский народ и европейскую биржу, что III Дума была первым действительным представительным собранием в России, что она укрепила „конституцию“, что ее пятилетнее существование оказало неоценимые услуги народу и идее конституционного правления. Но одно забывают они добавить, что III Думу Романовы, Столыпины и Гучковы могли создать, только перебивши десятки тысяч борцов за народное освобождение; что в основе ее лежит государственный переворот, увенчанный провокаторским заговором против социал-демократической фракции II-ой Думы, что, дабы удержать эту Думу, понадобились тысячи и тысячи виселиц, не перестававших работать во все время ее существования. Кровавая бойня на Лене — лишь достойное детище того „обновленного“ режима, в котором палач и провокатор являются истинными хозяевами государства. Из 3.000 толпы расстреляно 500, это значит, что под солдатскими пулями пал каждый шестой рабочий: жестокость и меткость стрельбы, невиданная даже в России, где научились „не жалеть патронов“ с самого момента возникновения рабочего движения.

И надо же было случиться, чтобы во главе расстреливавших рабочих солдат стала какая-то человекообразная машина в жандармском мундире, которая при ближайшем рассмотрении оказалась точнейшим воплощением всей романовской монархии. Газеты сообщили, что в Киеве он был провокатором, а в Сормове палачом, повесившим 80 рабочих. Провокатор и палач в ротмистре Трещенко скрывался под мундиром начальника охранного отделения. Но под министерским мундиром Столыпина не скрывался ли тот же провокатор и палач лишь во всероссийском масштабе! И под императорской мантией Николая Романова не живет ли тот же

*) «Социал-Демократ», № 26 от 25 Апреля (8 Мая 1912 г.), заграничный орган Ц. К. партии большевиков.

провокатор и палач! Трещенко расстрелял сотни, но Столыпин и Романов не расстреляли ли тысячи! Трещенко подкладывал провокаторские бомбы рабочим, но Романовы и Столыпины, Макаровы, Курловы и Трусевичи не на Азефах ли и Бродских*) построили они свое благополучие!

Не в том дело, мирная или не мирная, экономическая или политическая стачка протекала на рудниках золотопромышленной компании, а в том дело, что на берегах Лены действовал точнейший, типичнейший и достойнейший представитель всей сущности романовской монархии, всех методов ее управления, один из тех, на ком она реально держится.

Думе предоставлено одобрять бюджет, парадировать перед Западной Европой и подробно обсуждать проекты законов, которые одним росчерком Николая или Государственным Советом уничтожаются в корне. Гучкову предоставлено выражать „пожелания“ и аплодировать министрам. Милюкову предоставлено рядиться в английские обноски „оппозиции Его Величества“. Но действительная власть в России принадлежит Трещенко. И они властвуют над народом штыком и нулей. И потому не в том сейчас заключается задача русского народа и пролетариата, чтобы отвоевать от Трещенко какие-либо права, а в том, чтобы вырвать у него его штык, его власть.

4-го апреля этот Трещенко расстрелял 500 стачечников, а 11-го, не отмывши рук, он — в лице министра его императорского величества, самодержца всероссийского — взошел на трибуну Государственной Думы и заявил: „Так было и так будет“.

Но еще раньше, чем царский слуга Макаров заявил свою волю и впредь — несмотря ни на какие Думы — отстаивать свою власть расстрелами народа, социал-демократический депутат Кузнецов напомнил русским рабочим, что „нас всегда расстреливали, и что 9-го января на площади Зимнего Дворца нас расстреливал царь“. „Царя не касайтесь“, крикнула рабочему депутату III Дума. „Я вас покорнейше прошу здесь высочайшей власти не касаться“ — заявил ее председатель.

Третья Дума защищает царя, рабочий класс не может не касаться трещенковского царя, когда царский Трещенко касается рабочего класса. С думской трибуны социал-демократический депутат Кузнецов выразил то негодование и ту жажду борьбы, которые охватили рабочий класс России при известии о кровавой бойне на Лене. И он правильно выразил мысль всех рабочих России, когда заявил: „для нас, рабочих, не нужно никакого вашего расследования. Для нас причина

*) Бродский — провокатор, подстроивший дело соц.-демокр. фракции II Гос. Думы.

ясна: мы знаем, кто является главными виновниками массового убийства рабочих на Лене" и когда возложил эту вину не только на капиталистов, не только на Трещенко, но и на самую III Думу.

По горло стояла III Дума в крови рабочих и крестьян, теперь она предстанет на суд народный, покрытая кровью по макушку. И не станет рабочий класс под этой кровавой замазкой искать оттенков различия между Коковцевыми и Столыпиными, Макаровыми и Курловыми, Гучковыми и Балашевыми. Вся шайка контр-революции, превратившаяся под верховенством царя в золотопромышленную компанию, а Россию превратившая в свой рудник, из которого золото добывается обильно смоченное не только потом, но и кровью рабочих, вся царская монархия, — монархия провокаторов и палачей,—должна быть сметена с лица земли.

Далеко от центров поднялось зарево, но стоило ему подняться, чтобы разом вскрылись все внутренние пружины современного строя, и чтобы кровавым светом окрасилась длинная цепь как будто разнородных фигур.

Английские капиталисты (надо думать—просвещенные либералы у себя дома) и начальник русского охранного отделения, истинно-русские царские губернатор и прокурор и истинно-биржевой барон Альфред Гинзбург, члены Государственного Совета, гвардейские офицеры, придворные лакеи в генеральских мундирах и биржевой заяц Жданов, либеральный экс-министр виттевского кабинета Тимирязев и заведывавший департаментом полиции Макаров, Лондон и Петербург, Дворец и Биржа, Охранка и Дума—все и вся оказались связанными крепкими узами взаимных услуг и взаимной поддержки в деле эксплоатации рабочих.

Ленский расстрел с ясностью, бросающейся в глаза всякому, сразу вскрыл, как во имя эксплоатации рабочих сплетается в один отвратительный, кровью напитанный, клубок международный капитал, царский дворец, охранные отделения, как биржевой курс в Лондоне распоряжается жизнью рабочих на Лене, а истинно-русский царский министр в „национальной" Думе защищает барыши предприятия истинно-еврейского барона.

Тот ответ, который дали на ленский расстрел рабочие Петербурга, Риги, Саратова, Киева, Одессы, Екатеринослава, Харькова, Херсона, Николаева, Сормова—забастовками, митингами и демонстрациями—показывает, что единению всех эксплоататоров рабочий класс России готовится противопоставить единение рабочих в борьбе с современным строем.

Низвержение романовской монархии в России должно быть лишь первым этапом в борьбе рабочих со всей буржуазией за уничтожение капитализма, за социализм.

ОТКЛИКИ ЛЕНСКИХ СОБЫТИЙ.

Невольно притихшая в годы реакции страна наша, словно бурей, была взбудоражена расстрелом ленских рабочих. Все слои общества, вся пресса в течение апреля и мая была занята этими событиями. Конечно, в зависимости от своих классовых интересов, каждая группа, каждая газета, соответственно и реагировала на них. Постараемся осветить в этой статье отношение к стачке и расстрелу ленских рабочих важнейших тогда и социальных и партийных группировок.

РАБОЧИЕ и ЛЕНСКИЙ РАССТРЕЛ.

Самый деятельный и горячий протест события вызвали в рабочей среде. Единственная рабочая газета тогда „Звезда“ на другой день после того, как в Петербурге были получены сведения о расстреле—8-го апреля, вышла в большой траурной рамке на первой странице, посвященной событиям. Статья „Культурные способы“ начинается следующими словами: „В мрачную историю русского рабочего движения, богатую невероятными образцами самого бессмысленного, изощренного насилия и беззакония, властной безответственной рукой вписана новая кровавая страница: во славу капитала, для поддержания престижа власти, расстреляли мирную толпу рабочих Ленских золотых приисков.

Убитых 275 человек,

Раненых 250 человек.

Заканчивается статья словами:

„Не нужно ни песен, ни слез мертвецам. Стойкая, сознательная, планомерная, организованная работа русского пролетариата для завоеваний таких условий, при которых кровавые побоища будут и бесполезными и невозможными,— вот лучший памятник убитым на Лене рабочим“.

В следующей статье „Кровавый кошмар“ мы читаем:

„Этот расстрел рабочих масс 4-го апреля на Ленских приисках далекой Сибири впишется в кровавую летопись рабочего класса, как яркий образчик приемов и способов классового господства“.

„Кто хочет свободы коалиции, кто, действительно, против кошмара кровавых дней, тот пусть ратует за полную демократизацию страны".

В статье „Жертвы больших барышей" т. Бакланов пишет: „Когда говорят, что капитал пьет кровь рабочих, то противники рабочих считают это измышлениями, преувеличениями и т. д. Но в этом кровавом событии это становится до боли, до ужаса ощущительным и понятным...

Когда началась забастовка на Ленских приисках, то акции ленского об-ва стали падать и ценились в 3.425, после же расстрела сразу поднялись до 3.540, т. е. на 115 руб.

„Пролитая там, в далекой Сибири, кровь рабочих перелилась сюда в карманы ловких спекуляторов в акций звонким золотом".

Далее член Гос. Думы, рабочий Н. Полетаев, в статье „Запросье", сообщая о том, что девятого будет сделан запрос в Думе о ленских событиях, пишет:

„Ответ заранее можно предсказать: он так прост и ясен: правительство ответит, что оно еще ничего о событиях не знает, но оно примет меры к их расследованию и привлечет к ответственности виновных.

Депутаты,—верней, большинство их будут, конечно, „удовлетворены". Да и как не быть удовлетворенным думскому большинству: ведь это результат их политики поощрения расправ с рабочими всеми способами.

Не Третья ли Дума, под гром рукоплесканий, отвергла запросы с.-д. о преследовании рабочих?

Не с трибуны ли Третьей Государственной Думы в ответ на эти запросы раздавались слова—расстрелять, повесить, оттяпать головы и т. д. Где та масса с.-д. запросов об аресте рабочих во время забастовок? Они погребены Третьей Думой, как ее же попустительством погребены и сотни рабочих на Лене".

Дальше в статье „Заметают" сообщается, как:

„Над трупами расстрелянных ленских рабочих начинается обычная работа: грязью клеветы, потоками лжи стараются замести свежие следы крови, напустить туман в общественное мнение страны".

Автор статьи приводит выдержки из бесед ответственных руководителей Ленского Золотого Пр-ва: барона Гинзбурга, который видит политический характер забастовки в требовании рабочих 8 часового рабочего дня и „в организованности" и планомерности стачки, и бывшего министра торговли и промышленности, теперешнего председателя английской акционерной компании, владеющей ленскими приисками, В. И. Тимирязева, который чисто политический характер забастовки видит в том, что рабочие требовали обращения на „вы".

В этом же номере Демьян Бедный поместил свое стихотворение „Лена“, заканчивающееся следующими словами:

О братья! Проклят, проклят будет,
Кто этот страшный день забудет,
Кто эту кровь врагу простит.

Известие о ленских событиях телеграф принес 7-го, а уже 8-го в траурном номере „Звезды“ появились протесты от служащих Балтийского завода, рабочих печатни Яковлева и наборщиков типографии Березина. На следующие дни движение протеста охватило всю рабочую Россию. Со всех концев присылали рабочие резолюции, в которых рабочие передавали о гневе и возмущении, вызванных ленским кошмаром. Насколько велико было это движение в рабочей среде —можно судить по газете „Звезда“, которой, несмотря на специально отведенный отдел, пришлось, из-за обильного количества резолюций-протестов, помещать только выдержки из них, а впоследствии только перечислять их.

Резолюции-протесты дают чрезвычайно интересную картину настроений русского пролетариата в то время.

Чувство негодования, возмущения расстрелом и классовую солидарность мы встречаем во всех резолюциях.

Рабочие шелко-ткацкой мастерской Пантелеева пишут: „Мы...были так ошеломлены и потрясены, что сразу не находили подходящих слов... Какой бы протест мы не заявили— это было бы слабой тенью того душевного клокотанья, какое каждый из нас переживал“.

Рабочие Механического Днепровского завода Млощевского—200 чел.: „Это наша грудь—грудь всего рабочего класса прострелена в далекой Сибирской тайге“.

Пролетариат не только возмущается. Он зовет на борьбу— на вооруженную с виновниками расстрелов рабочих. Он требует демократических реформ.

Вот что говорили в своем протесте служащие „Балтийского завода“: „Мы, служащие Балтийского завода, не можем молчать, не можем пройти мимо гнусной расправы при помощи штыков для набивания и теперь уже туго набитых карманов гг. промышленников. Мы протестуем, но знаем, что наш протест не найдет отклика у большинства 3-й Думы, а потому обращаемся к пролетариату России с призывом добиваться свободы собраний, стачек, слова, коалиций, отмены смертной казни и тред-юнионского закона“.

Сознание опасности, грозящей пролетариату от его врагов, толкает его к организации—укреплению своих рядов. Об этом говорят в своей резолюции группа рабочих латышей Петербургской стороны:

„Вспоминая пролитую кровь, а также слезы оставшихся

жен и детей, всеми силами будем бороться за первое дело: создать сильные и сплоченные организации по всей России".

Рабочие землечерпательного каравана:

Призывают всех... встать с оружием в руках и твердо заявить, что мы хозяева своей жизни.

Группа рабочих из Нахичевани—на-Дону: „Мы знаем, что гнусное насилие капитала над трудом как было, так и будет, пока мы не сплотимся".

Тоже мы читаем у рабочих типографии Вайсберга:

„Пусть смерть жертв произвола пробудит нас к организации и солидарности".

Не было разногласия у рабочих относительно виновников расстрела, своим классовым чутьем они верно их определили. Рабочие завода Осипова пишут: „В таком грубом издевательстве над рабочим классом мы, рабочие, обвиняем не только местных палачей, но и весь современный строй и, в частности, господствующее большинство Государственной Думы".

Екатеринославские рабочие пишут:

„Бойня эта сознательно вызвана действиями Ленского Т-ва и выполнена руками готового к его услугам правительства".

Тоже мы читаем в протесте группы работниц девушек Невского района:

„Мы обвиняем в расстреле правительство, администрацию приисков и Государственную Думу, за исключением соц.-демократ. фракции".

Отметим еще резолюцию рабочих южно-русского чугунолитейного и вагоностроительного завода, которые пророчески чувствовали близость Октябрьской Революции.

В числе 700 человек они требуют суда и просят: „передать братьям-ленцам, что постигшее их горе—наше общее горе, что их враги—наши враги... Придет день, дорого нам заплатят враги наши за все причиненные нам беды, а этот день уже не далек".

Таков характер протестов, поступавших в редакции „Звезды" и „Правды" и в социал-демократическую фракцию Государственной Думы. Они красноречиво говорят про негодование, охватившее широкие рабочие массы. Чашу возмущения пролетариата переполнило выступление министра внутренних дел Макарова в Думе, закончившего свою речь словами: „так было и так будет впредь". На обещание министра и впредь угостить рабочих свинцом пролетариат ответил широкой волной стачек, в которых участвовало больше 300 тысяч рабочих.

Начались забастовки на юге России, в Николаеве, Елисаветграде, где рабочие завода Эльворти просили священника отслужить панихиду по расстрелянным ленцам. Растерявшийся священник отказался служить панихиду без разрешения [illegible]

правника, последний направил рабочих за разрешением к губернатору. Не получив разрешения отслужить панихиду, рабочие, не спросившись „начальства“, забастовали в знак протеста.

Провинция опередила столицы. Еще до начала стачечной волны в Петербурге, стали поступать сведения из Риги, Саратова, Киева, Харькова, Архангельска и других окраин необ'ятной России о забастовках рабочих в знак протеста против Ленских событий.

15 апреля поднялись питерские рабочие. Ежедневно бастовали десятки предприятий. На заводах устраивались митинги, рабочие отчисляли в пользу семей пострадавших ленцев однодневный заработок. Стачки стихийно выливались в уличные демонстрации с пением „Вы жертвою пали“ и с красными знаменами. В Москве стачки начались, когда в Петербурге они стали уже стихать. Здесь они носили характер перекатывающейся волны, не прекращающейся вплоть до 1-го мая. Забастовки в Москве также сопровождались демонстрациями и отчислением в пользу ленских рабочих. Всего, по исчислениям промышленников, в Москве по поводу ленских событий бастовало 54.000 рабочих. Во всех остальных промышленных центрах наблюдалось то же явление, что в Петербурге и Москве. Начальство, в особенности на местах, как известно опередившее столицы стачечной волной, растерялось, а некоторые были так поражены случившимся, что им мерещился 1905 год. Вот, что писали о забастовках „С.-Петербургские Ведомости“: „Забастовка забастовке шлет привет. Рабочие самых разнообразных цехов организованы на славу; и координированы и субординированы..“.

Вот открытие, заставившее многих разинуть рты от изумления и закричать:

— Это преступление. Куда смотрит центр.

Значит „им“ повторить 1905 год совсем нетрудно. Да.

— Кажется не совсем трудно.

Кое кто даже растерялся и, почесывая затылок (самое ответственное место в затруднительных случаях), говорит:

— Что же это. Говорили, что революцию во куда загнали. А она тут, у порога. Как же так. *).

Следует отметить выступление протеста учащейся молодежи в Петербурге — попытка устроить демонстрацию 15 апреля, в других однодневные забастовки в учебных заведениях и т. д.

Таков был ответ рабочих на ленский расстрел.

*) Цитировано по статье Петрищева в „Русск. Богатстве“, № 5 за 1913 г.

ПО ТУ СТОРОНУ БАРРИКАДЫ.

Выше мы остановились на ответе пролетариата на ленские события. Он понятен. Ибо, как выражается „Голос Москвы", расстрелом на Лене было затронуты не только человеческие, но и профессиональные переживания (читай—классовые интересы) рабочих.

Посмотрим, как реагировали на эти события имущие господствующие классы и прислуживавшие им сознательно или бессознательно группировки. Биржа петербургская,—святое святых буржуазии, на другой же день после расстрела подняла цену на акции Ленского Золотопромышленного Товарищества с 3425 р. до 3540 — на 115 руб. Этот факт выдает буржуазию с головой. Сколько бы буржуазные писаки и кадет Некрасов в Думе не „скорбили" и глубоко не возмущались бы, им того факта, что капиталу расстрел ленских рабочих нужен был, он его добивался и, наконец, добился. Но, кроме биржи, на события отозва ись, и даже много распространились о них, целый ряд органов, использованных буржуазией в целях затуманивания сознания народных масс, как то: пресса, Дума и т. д. Сколько выдержек из газет и речей представителей имущих классов в Думе дадут нам представление о позиции этих классов в этом вопросе.

Начнем с крайне правого органа—„Земщина", орган черносотенцев, обвиняя в ленской трагедии социал-демократов и кадетов за их чрезмерный демократизм — продолжает:

„Раз толпа двинулась на войска — они не имели права допускать ее, — открыв стрельбу, когда толпа была на близком расстоянии — команда выполнила свой долг образцово".

„В самой стрельбе решительно никакого нарушения закона нет, — говорит в Думе черносотенец Замысловский,—а плохо то, что правительство лебезит перед капиталистами, изгибаясь перед последними и в то же время отодвигает на второй план дворянство, духовенство и крестьянство".

Министр внутрених дел Макаров, отвечая в Думе на запрос о событиях, оправдывает действия ротмистра Трещенко и заканчивает свою речь словами: „Так было, так будет и впредь". Октябристы — партия крупного земледельчества, считают, что на Ленских приисках незаконно, в виду отсутствия достаточных оснований, было применено действие огнестрельного оружия. Расстреливать рабочих нужно, но надо это проделывать на законном основании и говорить об этом не следует — это „не вполне тактично". Так считает эта партия ее орган „Голос Москвы", который после выступления Макарова в Думе писал: „нельзя не упрекнуть А. А. Макарова в неосторожности, говоря о том, что войска действовали сообразно обстоятельствам он сказал, что: „это так было и так будет". Ког

было и возможно, что несчастные обстоятельства вызовут и еще несчастную необходимость. Однако подчеркивать это, да и еще после 163 жертв..., не вполне тактично" [1]).

К этому букету прибавим еще выдержку из газеты религиозно-нравственного направления:

„Да, это факт печальный, грустный, но, ведь, всякий понимает, что войска призывают не для того, чтобы пародировать, а чтобы силою удерживать от насилия, что солдаты не манекены, чтобы пугать, а грозная сила". Нельзя обвинять „батюшек" из „Колокола" в том, что они не знают назначения солдат, но у них все-таки своеобразное понятие заповеди „не убей". Получается, что действие последних на рабочих, даже православных, не распространяется. [2]).

В Думе ленские события несколько раз обсуждались, при чем большинство Думы все время тормозило прения, наконец, должно быть, под влиянием забастовочной волны, октябристы внесли предложение о прекращении прений—впредь до окончания обещенного правительством расследования, т.-е. до 5-й Думы, как пояснил Пуришкевич. Так относилось к событиям правительство и те группы, в чьих интересах было оправдать последнее

Газеты более либеральные, как „Новое Время", „Гражданин", „Киевлянин" и другие, прослезившись над трупами ленцев, не собираются даже спорить о необходимости борьбы со стачками, но предлагают более культурные способы: холодное оружие, английские способы.

Кадеты не пропустили случая обвинить правительство в ограничении народовластия, через которое, как писала „Правда", они стремились пробраться к его сиятельствам (в правительство).

Следует отметить разноголосицу и шатание, проявленные правительственными кругами после ленских событий. После выступления Макарова в Думе, под напором движения рабочих масс, правительство должно было изменить свою политику и назначить коммиссию по обследованию события под председательством сенатора Манухина. Причины расстрела и забастовки различными чиновниками разно об'яснялись. В то время, как иркутский губернатор обвинял Ленское Товарищество и „центр", генерал-губернатор Князев расстрел относит за счет паники среди солдат и чрезвычайно активного участия в стачке, принятого ротмистром Тренко, и допускает возможность избежать...такого столкновения, а правление Ленского Товарищества вообще

[1]) Голос Москвы, № 85.
[2]) Подробнее об этом смотри в приложен. в сборн. стеногр. отч. Гос. Думы, на котор. разбирались Ленские события.

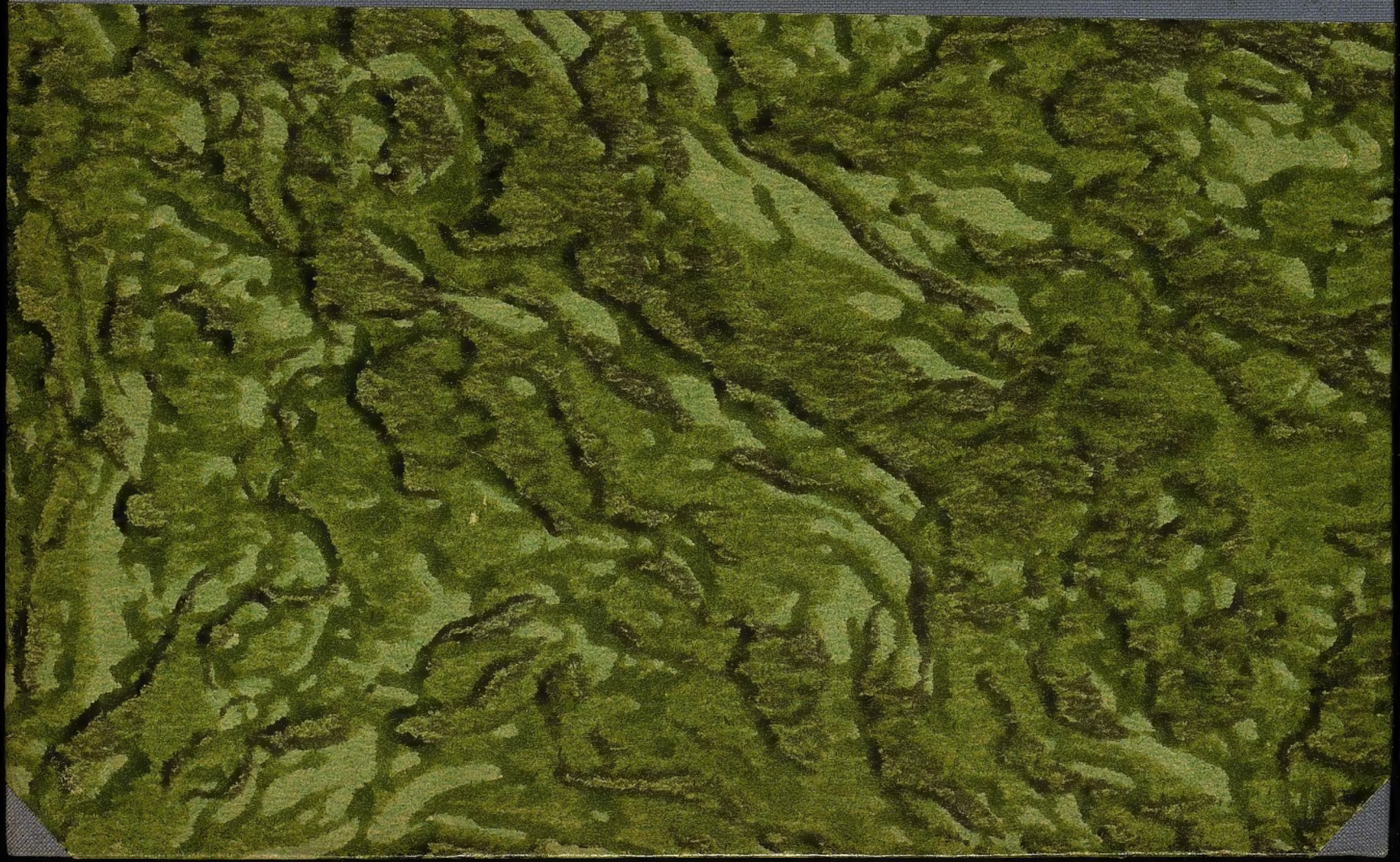
с себя ответственность за расстрел основываясь на том, что когда в „центре“ стал вопрос о ликвидации стачечного комитета, правление на специальном совещании, посвященном этому вопросу, постановило... „ограничиться ролью зрителя“, представляя действовать департаменту полиции.

В итоге приведем цитату из „Правды“, которая, подытоживая события, последовавшие за ленскими событиями, писала:

„За исключением крестьянской массы, ничем не проявившей себя, можно сказать, что вся Россия за минувшие две недели разбилась на две стороны:—на одной стороне пролетариат, а на другой имущие классы. В первом лагере наблюдалось единство действий, поразительная дисциплина, напоминающая выступление английских или германских рабочих,—при отсутствии возможности организоваться или сговориться, а на другой стороне—растерянность и неустойчивость при полной внешней возможности к спокойствию и единству.

Такова поучительная картина пережитых дней“.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

1. Предисловие . . . . . 3.
2. Ленские события в клубах молодежи . . . . . 7.
3. Календарь событий . . . . . 11.
4. Библиография . . . . . 13.
5. Г. Булапцев. Приискатели едут . . . . . 19.
6. Е. Придворов (Д. Бедный). Лена . . . . . 21.
7. Рабочий. На Лене . . . . . 22.
8. И. Воинов. Буря народная . . . . . 22.
9. Антон Путиловец. В холодном мраке рудников . 23.
10. И. Рябовский. Пойте песню буре . . . . . 23.
11. Теперь не сочтете погибших борцов . . . . . 23.
12. Ф. Шкулев. Ленцы . . . . . 24.
13. Рабочий Алексеев. Под свежим впечатлением . . 24.
14. М. Захаров. Сказочка . . . . . 26.
15. Запрос социал-демокр. фракции по поводу Ленских событий . . . . . 31.
16. Выдержки из прений в Гос. Думе по запросу . . . . 34.
17. Л. Б. Каменев. Ленская бойня и 3-е Июньская монархия . . . . . 58.
18. Отклики Ленских событий . . . . . 61.
19. По ту сторону баррикады . . . . . 66.